

Александр Бабчинецкий

Предтеча

Роман

Александр Анатольевич Бабчинецкий

Предтеча. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25278151

ISBN 9785448558559

Аннотация

Русь, середина десятого века. Набеги кочевников. В русском народе пока нет объединяющей силы. Её может дать только общая религия. Прекрасно понимая это, киевская княгиня Ольга принимает христианство по греческому обряду и ищет поддержки в Византийской империи. Но интрига, затеянная родным сыном, не даёт завершить всё начатое. Вторая линия романа – история о подростке, который ищет уведённую в рабство родную сестру. У него свой путь к христианству. Лексика романа историческая и архаическая.

Содержание

Глава первая. Полон	7
1	7
2	14
3	16
Глава вторая. Степняки	21
1	21
2	24
3	27
4	30
5	34
Глава третья. Княгиня и монах	37
1	37
2	41
3	44
4	46
5	48
6	50
Глава четвёртая. В пути	53
1	53
2	58
3	63
4	67
Глава пятая. Город	70

1	70
2	74
3	76
4	79
5	81
Глава шестая. Преддверие	85
1	85
2	87
3	92
4	96
5	98
Глава седьмая. Семья	102
1	102
2	107
3	110
4	112
5	115
Глава восьмая. Накануне	119
1	119
2	122
3	128
4	131
Глава девятая. Ромеи	133
1	133
2	136
3	139

Предтеча Роман

**Александр Анатольевич
Бабчинецкий**

*Мгновеньями он виден, чаще —
скрыт. За нашей жизнью при-
стально следит. Бог — нашей
дрёмой коротает вечность —
Сам сочиняет, ставит и —
глядит
Омар Хайям. Рубаи.*

© Александр Анатольевич Бабчинецкий, 2017

ISBN 978-5-4485-5855-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая. Полон

1

Огромный раскалённый диск появился над степью и разлил по ней кровавый свет. На вершины высоких холмов, протянувшиеся извилистой цепью и на росшие рядом высокие, но чахлые деревья, легли первые красноватые тени, а следом всё в округе переменяло серо-жёлтый оттенок на розово-алый. И вскоре уже ничто не сумело укрыться от обильного окрашивания.

Малинка подняла голову, но, увидев над собою плеть кочевника, в страхе распостёрлась на высохшей траве. Так она пролежала некоторое время, однако услышала гортанные крики, которые призывали вставать. Весь полон зашевелился, поднимая к безоблачному небу столбцы пыли. Погонщики бежали от одной людской связки к другой и ударами палок и ногами заставляли пленников идти. Наконец человеческий ручей ожил, задвигался, но на земле то тут, то там остались лежать неподвижные люди. Трупы. Пленники умирали от голода, мора и побоев. Сколько их осталось на рабских дорогах из сердца Руси к Понту Эвксинскому? Тысячи? Десятки тысяч?

Малинку связали в паре с Даркой, северянкой из-под Чер-

нигова. Раньше с нею шла из дреговичей¹, но седмицу назад померла от какой-то хвори: кашляла часто. Соседка несла на руках младенца, он уже держал головку, но всё время плакал от постоянного недоедания из-за хилой груди матери. А Дарка сохла день ото дня, ей тоже не хватало еды.

И как-то раз мать стала просить поесть себе и ребёнку. Кое-как, печенежскими словами и просто знаками, дала понять степняку, что от него требуется. Поганый хитро ухмыльнулся и начал шупать немытыми руками под платьем Дарки. Она стояла в напряжении от бессилия и злобы. Отвязав её от Малинки, затащил молодую женщину в свою кибитку. Долго не приходила Дарка, уж солнце перевалило за полдень, наконец появилась. Взяла у Малинки ребёнка, что-то сунула ему в ротик, малыш начал сосать, после немного покашлял и заснул.

Людей остановили на отдых. Дарке удалось сесть в тени чьей-то телеги. Женщина задремала. Малинка вопреки предубеждению беззастенчиво разглядывала её измученное лицо. И только тут обратила внимание на седые пряди, появившиеся совсем недавно. Девушка поняла, куда и зачем таскал погонщик женщину. И не отвращение к ней, но жалость и некоторую брезгливость ощутила вдруг в себе, однако ни словом, ни чем другим не выразила это.

Через час или два нестройная колонна поднялась, зашевелилась и двинулась дальше под гортанные выкрики степня-

¹ Северяне и дреговичи – восточнославянские племена.

ков. На следующий день всё повторилось. Так продолжалось почти неделю. Дарка даже несколько поправилась, её ребёнок перестал кашлять и почти не плакал.

И вот однажды... Всё началось также с утра. Малинка держала на руках малыша, ожидая возвращения его матери. Но не вышла она, а выскочила из кибитки, а за нею с рёвом дикого зверя бежал кочевник, который стегал её плёткой по спине и голове. Ребёнок проснулся то ли от шума, то ли от голода и закричал.

– Ах ты, погань немытая! – возмущённо простонала Дарка. – Я те покажу, как грязь свою мне в лицо тыкать. Да лучше сдохну, чем возьму.

Погонщик ещё несколько раз вытянул женщину вдоль спины, она вскрикнула, опустившись на землю. Платье сзади было словно разрезано, из ран сочилась кровь.

Ближе к ночи пленников подвели к неведомой речушке, а рядом чёткий отблеск луны купался в маленьком озере. Некоторые кинулись к нему, но тут же с криками отвращения и предупреждения остальным пошли дальше, к реке: вода в озере была солёная. Никто не обратил внимание, как Дарке удалось освободиться от пут и воспользоваться беспечностью охраны.

Она сунула ребёнка растерявшейся Малинке и куда-то исчезла. Можно было бы предположить, будто женщина решила даже бросить дитя и бежать, но нет. Она отлично понимала, что в её положении думать об одиночном побе-

ге равносильно самоубийству. Случайно увидела, что кибитка её обидчика пуста. Забравшись туда, начала обшаривать все укромные уголки, не ведая страха и не боясь наказания за самовольное вторжение. Настойчивость была вознаграждена: в руках оказался клинок дамасской стали. Восхищение преклонилось пред собой, губы коснулись холодного металла. Дарка змеёй выскользнула из кибитки. Она дождалась возвращения кочевника и, прыгнув на него сзади, словно разъярённый хищник, всадила в его спину орудие мести. Сама же, как ни в чём не бывало, забрала у Малинки ребёнка и чем-то его накормила и даже угостила девушку вкусными лепёшками, от которых пахло кизячным дымом и конским потом. Малинка не придавала особого значения долгому отсутствию Дарки

– Его нет, и уже никогда не будет, – глухо сообщила северянка. – Он никогда и никого больше не станет мучить и хватать немытыми лапами. Как же они мне все противны!

И только теперь девушка увидела покрывшуюся, словно хлопьями снега, голову подруги.

Следующим утром кочевники хватились погонщика, стали искать и обнаружили в кибитке его остывший труп, почти сразу же забрали с собой Дарку. Больше Малинка её не видела. Позже кто-то говорил, что печенег изрубили её, но некоторые отрицали это и уверяли, будто ей удалось бежать с группой пленников, которых она сумела подбить на отчаянный шаг.

Так или иначе, но после этого случая степняки уже лучше обращались с людьми, смертельные случаи прекратились. Теперь девушка осталась без пары и брела позади всех. Она стала чаще вспоминать прошлое, когда жила в городище. Весьма живо представила всю родню, припомнился даже раненый воевода, но от этого стало ещё горше и тоскливее. Что-то вдруг затуманило взгляд. Перед глазами всё расплылось в белесой мгле, а после, будто всё во сне...

– Экой дрёма, а ну подымайся, всю Купалу проспишь! Девки, поди уж, хороводы подле речки водят, песни играют, аль не любо тебе?

Малинка перестала тормошить брата. Теперь стояла, подбоченившись, в ситцевом летнике² и теребила тонким пальцем цветастое вплетение в косе.

Вокша повернулся на другой бок и открыл глаза. Он вместе с соседскими подростками был в ночном, а после него так хочется спать. Страсть! Уже вечерело. Красный диск светила краем лучей кровавил головы зелёным великанам, которые разбрелись вдоль серебристого извива Безымянки. Лёгкий ветерок шаловливо шелестел их листвою.

– Отец велел тебе Белку искупать. Колдун сказал, будто поправится лошадка, а Некраска поведёт Буланку.

– Не лукавь, Малинка, – пожурил сестру.

– Ей, ей, правда, чтоб блиставица (молния) меня шарахнула.

² Вид лёгкого сарафана.

– Ладно, сестрица, айда на луга.

Вокша и Малинка вывели Белку и пошли к реке. По дороге их нагнал Некрас. Подростки бежали по высокой траве, путаясь в её шелковистых прядях. И с разбегу бросились с визгом и громкими криками в тёплую влагу, ныряли в ней и по – озорному плескались.

– А вода хороша, что парное молоко, да, Некрас?

– Правда, хороша. Сейчас ещё лучше, чем днём.

Они купались у излучины, за большой плакучей ивой и кустами орешника. Рядом с ними полумрак скрывал чьё-то присутствие.

– Ты кто? – спросил Некрас и шагнул в сторону услышанного звука.

– Это я со своим хворобой, – громко ответил лёгким баском юношеский голос.

– А вы что тут?

– А что и ты, животину водой смываем.

– Голос Пешка, – тихо сообщил Вокша, стреноживая Белку и выводя её на луг.

– Пешок и есть, – подтвердил Некрас. – А ты разве его не видел?

Вокша хорошо знал этого пятнадцатилетнего подростка с затаённой грустью в бесцветных глазах. Он был сыном небогатого купца, который водил дружбу с почитателями греческой веры. От них Пешок узнавал много интересно и поучительного. Они научили его говорить с кожаных

свитков загадочные значки. Ах, как хотелось Вокше тоже изведать секреты таинственных писем, понимать их смысл и прочитывать! Но родители и селяне осудили бы его так же, как избегали отца этого юноши.

Малинка, её родители и братья жили в небольшом окраинном городище, каких в те поры было множество, стоявших заплотами³ на пути постоянных набегов печенежских племён. Когда становилось совсем голодно, последние переплывали Безымянку на своих тощих низкорослых лошадёнках и дико орущими ордами набрасывались на многочисленные поселения славян...

Дни пролетали незаметно и исчезали в прошлом. День менял ночь, но однообразным оставался унылый лик степи. И только позже начался лес да такой, о котором Малинка даже никогда и не слышала. Огромные деревья, словно гигантские копыя, пронзали ярко-синюю крышу небосвода. Дорога то резко взлетала до небес, то извилисто мчалась вниз. В лесу слышалось пение птиц, журчали ручьи. Обилие тени нежно захватывало в прохладные объятия, приглашая вздремнуть под сенью лесных великанов.

А полон двигался дальше, на полдень. Наконец долгий путь завершился у самого моря. Такое обилие воды Малинка видела первый раз в жизни. Как ни пыталась, так и не смогла определить водную границу и начало неба – всё слилось воедино, словно подтверждая кристальную чистоту среды

³ Заплот (древнедиалект.) – забор, бревенчатая стена; здесь, защита, пограничная крепость.

обитания птиц и рыб.

В довольно грязном городище, но с каменными серыми домами, весь полон раскупили разные купцы. Каких пленников погрузили сразу на судно, а некоторых погнали далее, к заходу.

Малинка с полусотней мучеников попала на ромейский корабль. Множество мук и страданий выпало на долю девушки во время плавания на старой скрипучей посудине, полной крыс и воды в трюме. От жажды, голода и болезней умерли двенадцать человек. Жара и невыносимая духота обессилили и так вконец измученных людей.

Лишь через много дней, как показалось Малинке, судно остановилось и бросило якорь в византийском порту Месемврии. Это девушка услышала из разговора двух матросов, тмутараканских славян. Один, совсем ещё молодой, сказал, что теперь уже недалеко до столицы Ромейской державы.

3

Купальская ночь исполнена чудесного и таинственного значения: в эти часы источники и реки мгновенно превращаются в чистое серебро и золото. Папоротник расцветает огненным цветом, подземные сокровища выходят наружу и загораются пламенем. Это время полно чародейных явлений. Рыбаки утверждают, будто поверхность реки тогда бывает подёрнута серебристым блеском. Деревья переходят с места на место и шумом ветвей переговариваются между собой. Говорят, что имеющие при себе папоротник, понимают язык каждого творения Господня, видят, как расходятся дубы, составляют свою беседу, рассказывают про свои богатырские подвиги.

Вокша увидел изваянного по образу человека истукана Перуна, который держал в руке камень, сделанный наподобие молнии. Край глаза мельком схватил отблеск постоянно пылавшего огня.

Высокие языки купальского костра шаловливо касались ступней девиц в праздничных нарядах, опоясанных чернобельником и душистыми травами, с цветочными венками на головах, и холостых парней, которые схватывались попарно за руки и прыгали через разведённое пламя. Судя по удачному или неудачному прыжку, им предсказывали счастье или беды, раннее или позднее супружество.

Вокша сразу заметил в толпе свою родню. Матушка стояла близко к костру, бросала в него травы и причитала: «Да сторгят с этим зельем все мои беды!»

Она дотронулась до огня веткой орешника, та сначала вспыхнула, после обуглено погасла. Малинка получила в руки ветку с наказом немедленно воткнуть её у коровника. Возле священного костра продолжал толпиться народ: молодёжь украшала себя венками, пела, танцевала. Старые и молодые прыгали через пламя, переносили на руках детишек. Мальчишки тоже не преминули показать свою удаль.

Вокша видел, каким взволнованным взглядом провожала его прыжок мать, наблюдал довольную улыбку отца и завистливые глазёнки братишек. Он запыхался от многочисленных прыжков и высматривал ушедших друзей, стал искать их. И не только не нашёл, но не знал теперь, где родители, сестра и братья. Отчаиваться не стал, не реветь же, словно девка! Внезапно увидел двух парней с ветками папоротника, на одном был дивный цветок. Чей-то голос в полумраке едва слышно сообщал:

– ...он в эту ночь и расцветает. Иди в лес, где папоротник растёт во множестве, очерти ножом круг около себя и смотри недреманным глазом.

– А если сморит сном? – недоверчиво поразился пареньь.

– Уснёшь – гибель тебе, – продолжал Брусилла – бортник. –

Но ровно в полночь, перед тем, как петухи пропоют, появится огненное цветение. Надо сорвать его цветок и тотчас спа-

саться. Бесовская нечисть погонится за тобою, и если ты оглянешься, конец всему!

– Страхи какие, – поёжился другой пареньь.

– С таким цветком можно искать зарытые сокровища. Однако и тут заклятья охраняют клад. Пойдёшь с лопатой, она метлой покажется. Сова на дереве закричит младенцем, а то и чудище привидится с хвостом да рогами.

– Неужто правда то? – теперь уже спросили несколькими голосами.

– Истину глаголю, сам испытал. Порой владелец этих богатств появится летающим нетопырем, чтобы кровь твою пить. Обует тебя страх, позабудешь обо всём и прибежишь домой, как безумный, и будешь у бабы искать убежища в постели. Рассказывают, что иногда на месте клада вдруг появится сверкающий золотом петух или свинья с серебряной щетиной, и если убить их, рассыпаются златниками и серебряниками.

Уже почти отчаявшись, Вокша нашёл наконец своих приятелей. Некрас первым увидел растерянное лицо друга.

– Вот она, пропажа, Пешок! – громко сообщил он. – Айда к реке, скоро божий прозор⁴, да и Купале конец.

Ребята спустились к воде. Лошади всё так же мирно паслись на лугу. Буланка вдруг поднял голову, настороженно повёл ушами, заржал.

– Мерин чужаков почуял, – испуганно прошептал

⁴ Божий прозор (древнерус.) – заря, рассвет.

Некрас, – так всегда бывает, знамо, не впервой.

– Откуда они здесь? Ежели степняки, криков было бы много, а так некому.

Вокша задумчиво смотрел на реку. Внезапно из белесой мглы тумана появилось нечто бесформенное и отвратительное. Мокрое и осклизлое бревно. Нет! Лицо с остекленелыми глазами, незримо отражавшими угасающие звёзды.

– Мертвяк, – тихо сообщил Вокша.

– Утопленник.

– А может, водяник? Братец раз так завидел в реке тело, взял его в лодку, а оно вдруг ожило, захохотало, вскочило и бросилось в омут.

Подростки ещё некоторое время разговаривали, но постепенно усталость давала себя знать. После всего кони были взнузданы и готовы к обратному пути. А наверху уже ничего не было видно, но пока тлели уголья затухавшего костра. Гулкое эхо от конского топота разносилось по лесу и отражалось от стройной стены сосен да елей.

И почти сразу после отъезда ребят на другом берегу, густо заросшем осинником да ивняком, появились патлатые головы. Раскосые злобные глазки зорко взирали на плавно двигавшуюся гладь воды. Раздался гортанный вскрик. И тотчас же рядом и чуть далее, за мыском, появились такие же полу-люди, полу-звери на приземистых гривастых лошадках. Степняки! Их ушастые малахаи скрывали, словно смазанные салом, потные и скуластые лица. Кочевники жадно

вглядывались в противоположный берег. Там ими ожидалась богатая добыча.

Какой-то поселянин, запоздавший после обильного празднества, спустился к реке и, подойдя к воде, нагнулся, зачерпнул в ладони живительной влаги. После несколько раз брызнул себе на лицо и грудь.

– Славята! – громко крикнул человек. – Здесь я! Зачем туда переплыл? Возвращайся, домой пора. Не прячься, вижу тебя.

Но что-то необычное смутило его. Понял, что обознался: к реке неторопливо спускался человек на лошади. За спиной виднелся ошестинившийся стрелами колчан, в руках – тугой скифский лук со вставленной в него стрелой. Вот уже натянута тетива, она легонько звенькнула и простилась с оперённым жалом. Человек увидел нечто, хотел крикнуть кому-то предупреждение, но его горло оказалось насквозь проткнуто вражьей стрелой. Он упал почти без стога и разбросал разлаписто руки. Из горла и рта хлынула кровь, окрашивая по течению воду красноватым ручьём.

Поднявшееся солнце озарило радужным многоцветьем лета праздник Купалы.

Глава вторая. Степняки

1

Медленно, будто крадучись, подымается огромный багровый диск. Он щедро дарит свой цвет вершинам деревьев и близлежащим холмам. Это алощёкая Зимцерла⁵ разбрасывает букеты красных цветов и встречает появление ясноликого Световича – Дажьбога.

Звяга и Смолятич почти неделю в зорниках, завтра днём кончается их порядок. Следующими должны сторожить городище бондари. Прошлым разом кожемяки своим огурством⁶ навлекли суровость воеводы. Впавших в опалу⁷ вынудили к двойному сроку охранения.

Смолятич уже в годах, грузен, седоват. Не торопясь говорит, не спешен в делах, но ухватист, всё у него спорится и в руках горит. Посему и в достатке живёт. Жена ему трёх ребятишек подарила. Смолятич стоит, опершись о бердыш, на нём рыжий кояр (кожаный панцирь), на голове подобие кольчужного шлема. Он смотрит туда, где Безымянка в кру-

⁵ Зимцерла – славянская богиня, владычествующая над началом дня, или русская Аврора.

⁶ Огурство (древнерус.) – своеволие, неповиновение.

⁷ Впасть в опалу (устар.) – провиниться, попасть в немилость.

том изгибе задёргивает над собою полог зелёной прохлады.

Звяга гораздо моложе, строен и высок. Волос кудрявый, русой шапкой охватил высокое чело ремесленника. Этот не столь достатен, но у него в руках добротное копье, на поясе кинжал в ножнах. Грудь укрыта бахтерцами⁸, спасая её владельца от удара мечом или кривой печенежской саблей.

Зорники несут дозор на городне, недалеко от южных ворот, которые выходят лицом на извивы реки. Ратники о чём-то негромко спорят, иногда Смолятич перебивает друга сильным выкриком или сдерживающим движением руки.

– Он и Ладимка тать добрый. Шустёр жалованье заедать, богачество множить нашими спинами да сенных девок брюхатить. Токмо видимость создаёт, что добрый хлебосол, а на деле – хуже Чернобога⁹.

– На языке пустые разговоры, а в смрадном сердце – скандальные дела.

Смолятич беспрестанно наблюдал за каким-то движением. Вот он приложил ладонь к переносице, взгляделся.

– Слышь, друг Звяга, вижу я и очам веры нейму, похоже, степняки там купно собираются. Быть брани.

– Ты что, с дружиной хмельного опился на Купалу?

– Не было того, не лживил присягу ни разу. Зри сам зорче, там, за небольшой рощицей.

⁸ Бахтерцы – вид кольчуги из металлических пластин.

⁹ Чернобог – признавался богом подземного царства, а также языческим дьяволом.

Звяга сразу разглядел рыжие пятна перебежавших людей, но было видно плохо: яркие лучи солнца били прямо в глаза, наворачивая слепящую слезу.

– Беги к воеводе, а я ударю в вечевой.

2

Ладим был выходцем из княжеских отроков, ещё отец его верно гнул спину князю Олегу. Сын же верою и правдою служит Игорю, за что и привечан теперь воеводским правлением. Но Ладиму оно горше полыни. Нет покоя на окраине княжества. Люд гибнет от недорода, голода, болезней и набегов кочевников, а воевода в ответе за охрану городища, но дружина мала. Многие уходят в города, оседают там в посадах.

Воевода только поднялся, он почивал в спальном покое, отдыхая после романей, мёда, обильных яств и ненасытной любви с молодой наложницей. Голова раскалывалась с похмелья. После призывного удара в колоколец на пороге появилась статная рабыня со жбаном холодного кваса. Дрожащие губы жадно поглощали кисловатую влагу, насыщая тело и душу. В животе уже болотно булькало. Ладим удовлетворённо улыбнулся и вернул жбан прислуге, сладчайше тиснув её за полный зад. Рабыня игриво взвизгнула, зардевшись, качнула бёдрами и медленно удалилась. Разомлев от облегчения хотел уж было полежать, да передумал, вышел через сени на задний двор. И тут услышал гулкой стон вичевого била. Его звуки тягуче плыли над городищем, настораживая слух и обостряя внимание. Они рождали дерзкие предположения, ловкие сплетни, отрывали от работы, лишали удовольствий. Прислуга открыла калитку и впустила запыхав-

шегоя Звягу, который вместо челобитья, сразу упал перед господином.

– Не вели казнить, воевода. Беда неминуемая!

– Что стряслось? Чего несёшь, какая беда?

– Степняки собираются на том берегу тьмократно, бегают так быстро, моргнуть не успеем – они уж тут будут. Не равнодушество и полон сызнава.

– Не трясись от страха, окромя одоления ничему не бывать. Ежели вместе возьмёмся, опрокинем супротивника.

– Давеча такожде вещал, токмо не так деелось.

– Молчи, баламут, начнёшь кричать на руку супостату, на цепи сгною. Подымай народ, но без толку не шуми.

– Вразумил ты меня, воевода!

Звяга выскочил на улицу, помчавшись вдоль домов. Призывный гул била собрал на стогне¹⁰ почти всё население городища. Смолятич уже перестал тревожить ударами мощное тело медного вестника. К взгорку, с которого спускался ремесленник, подходил княжеский наместник (тиун) Ольбер в сопровождении своих верных телохранителей и рабов. Его приход успокоил недоумевавшее и бурлившее гневом столпление. Тиун поднялся на возвышение и для начала призвал народ к здравомыслию и спокойствию. Затем хладнокровно объявил о нападении большой толпы кочевников и предупредил о ненасытности и алчности последних.

– Вооружайтесь, люди, кто чем может, готовьтесь к отра-

¹⁰ Стогно – площадь в древнерусских поселениях.

жению злобного врага. Не допустите немых к своему жилию. Встретим их ненавистью да любовью к свободе и ближним. Лезьте на стены, защитим Ратицу, не посрамим память предков наших, не позволим косоглазым надругаться над прахом пращуров.

Вняв словам Ольбера, который организовал вкупе с воеводой противление нашествию кочевников, народ тоже начал готовиться к жестокой сече с воинством степняков. К полудню у заборолых¹¹ собралась большая часть мужского населения. Более опытные ратники раскладывали оружие под рукой и наблюдали за передвижением врагов.

¹¹ Заборолы – основная стена крепости у главных ворот.

Те поторапливались, готовили связанные лестницы, шесты, верёвки. Они почти полностью переправились через Безымянку. Конные уже гарцевали на низкорослых лошадаках перед частоколом, покрикивали, иногда вытаскивали из колчана стрелу и, почти не целясь, выстреливали из луков, но никуда не попадали. Это их развлекало, они хохотали, оскаливая жёлтые, изъеденные цингой зубы. Городищенские ратники отвечали только словесно: выкрикивали оскорбления. Детвора корчила рожицы, кривлялась. Прицельный выстрел конного кочевника ранил одного мальчишку. Тогда кто-то из старших приказал убрать детишек с городней¹².

Вокша, Пешок и Некрас вместе с другими подростками помогали взрослым у огромных котлов, взятых у красильщиков и кожемяк; кипятили воду и разогревали смолу, а после готовили к подъёму на стену.

В хоромине Ладима собрались старейшины городища под началом Ольбера. Кричали и рядились до хрипоты, как отразить нашествие поганых. Предлагали всякое: выйти с дарами и откупиться от немых; отвлечь их большим отрядом от городища, а тем часом схоронить в потайном месте всё население и богатства; выставить на поединок самого сильного да храброго и в случае победы над противником кочев-

¹² Городни – бревенчатый частокол в древнерусских поселениях.

ники будут обязаны вернуться восвояси либо обойти городище стороной.

Тиун внимательно выслушал всех, кто вставал со своими высказываниями. Он соглашался на любое предложение, лишь бы избавиться от непрошенных гостей, не позволить им ополониться в Ратице и оставить её нетронутой.

Резкий удар ладонью по столу будто разбудил задремавших и вернул их в суровую действительность. Воевода поднялся с лавки и подошёл к старейшинам.

– Клянусь Перуном, всё наговорённое здесь – сплошной лепет младенца. Но не дитяти же вы, многоуважаемые старцы! Ваши годы должны уж подсказать вам непререкаемую истину. Неужто мы одни в княжестве и на Руси живём? Русь всегда была единством сильна. И не только за нашим добром идут печенег, им нужны рабы и рабочий скот, а таковыми могут служить не преклонные старики и не вы, уважаемые. Им нужна молодёжь наша. А посему они сделают всё возможное, чтобы не допустить сокрытия их. Последнее предложение и обсуждать смешно.

– Что ж, охаять кем-то сделанное проще, – поднялся со скамьи седобородый старец. – Любо услышать откровения из ваших уст, уважаемый воевода.

– Нечего воду толочь, брызг много, толку мало. Брань принимать надо всем миром. Лучше голову за правое дело честно сложить, нежели к Сурожскому морю смиренно брести. Постыдно прятаться за чужую спину, на окраине живём, нам

и Русь оборонить от супостата.

– Благое слово услышано, душе ликование, но токмо знать желательно: кто сумеет оборону сию возглавить? Наверняка не наш воевода...

– А хоть бы и я. Как уж сумею, да и как вы помогать мне станете, чай, в одном городище живём.

Но не верил Ладим старикам. Знал: предадут в любую минуту, как только беда пониже нависнет. Вкупе с Ольбером решил брать оборону под свою руку.

4

Степняки тем временем, подчиняясь приказам хана, начали осаду стен городища. Кочевники ловко набрасывали на островерхие брёвна верёвки с петлями, подтаскивали шаткие лестницы, взбирались, косолапя, наверх. Тут их встречали ратники, сбрасывали рогатинами подьёмные приспособления, облепленные погаными, будто муравьями. Ливни кипятка и горячей смолы срывались вниз, превращая сразу по нескольку тел в двигавшиеся факелы, которые исторгали из глоток вопли невероятной силы. Сотни свистящих смертей взлетали со звонкой упругости и несли покой, забвение и тлен. Железо и железо, дерево и дерево соединялись, звенели и ломались, исчезали жизни, уносимые потоками дымящейся крови. Порой в том или ином месте оборонявшиеся слабели перед натиском врагов, которые тогда лезли неотвратимой лавиной вверх и завязывали битвы на пряслах¹³ и заборолах. Ратники медленно размахивали длинными двуручными мечами, удары которых поражали сильнее кривых булатных лезвий, сверкавших на солнце подобно огненным стрелам. Грязные тела кочевников испускали страшное зловоние, сравнимое с омерзением смерти.

Число защитников и их силы уменьшались. В некоторых местах стены уже горели, подожжённые вражьими стрелами,

¹³ Прясла – переходы к башням.

которые огнили и жилища, а в них прятались немощные старики и малыши. Ольбер загодя приказал набрать запас воды в бочках и кадках подле всякого жилья, и теперь с помощью подростков занимался тушением пожаров. Молодые сильные руки резво подавали вёдра и ушаты с водой, которой заливали ревущие языки пламени. Огонь со временем сдавался напору молодости, но в другом месте стрелы делали своё дело. Опалённые лица и изнурённые руки и ноги уже отказывались бороться со стихией, однако и сдаваться не хотелось.

Ладим собрал конный отряд, который с гиканьем и лихим посвистом вырвался из ворот, поражая поганых стрелами и копьями. Степняки не ожидали удара в спину, но быстро организовали отпор наглым славянам. Покуда часть печенегов седлала лошадей, более сотни их лучников начали стрельбу. Превосходство оказалось весомым, а падавшие дождём стрелы, мертвили и ранили убежавших.

– Опомнитесь, россы, братья! – кричал Ладим, размахивая мечом и морщась от боли: сам был ранен впившейся в предплечье стрелой. Рана жгла огнём, пришлось спешно повернуть к городищу, прятаться.

– Не равно бьёмся, друг Ольбер, ох не равно, – причитал Ладим сокрушённо, покуда какая-то молодлица перевязывала белым тряпьем поранок.

– На то они и расчёт держали, воевода, – ответно молвил наместник.

Он уже давно понял: не бывать ныне одолению.

– Ты чья же такая будешь? – с напускной весёлостью осведомился Ладим и облизнул пересохшие губы.

– Маменькина, Малинкою кличут. Отец мой смердом у тиуна, а у тебя в войске – ратником. Братец помогает тушить пожары с другарями, а я вот раны селян да твои заживляю травами да перевязками.

– Ладная ты девка, Малинка. Не равно попадёшь к немьтым. Хорошо, ежели сразу продадут к ромеям, а ведь может статья что и хуже...

– Не сробею, воевода! Пусть погибну от поганых, нежели полон у них.

– Молодец, красавица! – похвалил Ладим, направившись к стенам.

Количество оборонявшихся уменьшалось быстро. Многие женщины помогали ратникам в бою: посылали в кочевников стрелы, метали дротики. На все уговоры мужа мать Малинки так и не согласилась уйти со стен. Она не бросила лук, покуда не упала на руки своего Ладо с пробитым сердцем. Две скупые мужские слезы капнули клятвой отмщения на стынущий лоб самого любимого человека. Вокша с Малинкой сами снесли тело матушки вниз, а после отвезли в избу, но предать его славянскому обычаю не решились. В лихую годину, когда ожидалось множество смертей, не следовало выделяться среди равных: это было непочтением к сородичам и предкам.

Смолятич и Звяга рядом. Как полезли поганые, Звяга едва успевал сбивать их копьём со стены. Смолятич со вздохом, будто прощаясь, опускал бердыш на головы врагов. Он уже был легко ранен, но друг умело и быстро перевязал плечо. Появившийся воевода придал силы, заражая бодростью. Люди с большим рвением отражали натиск осаждавших, но делать это всё труднее и труднее. Кончились запасы разогретой смолы, стало некому варить кипяток, да и стрелы были на исходе.

Сквозь почти прогоревшую стену с южной стороны в городище ринулись степняки. Туда по приказу Ладима на помощь пошла воеводская дружина, однако через несколько часов от этих людей мало кто остался в живых. Натиск кочевников оказался настолько мощным, что многие из них прорвались к крайним избам, они же открыли ворота. И вот уже на улицах степная конница.

Печенеги со знанием дела гоняются за девками и молодыми бабами. Те истошно визжат, пытаются убежать, до срамного поднимают сарафаны да летники, но преследователи более проворны. Полон ловят арканами, связывают верёвками попарно.

А на стенах идёт борьба, но больше внизу. Отдельные очаги сопротивления кое-где пылают, но они не представляют опасности для кочевников. Те уже награбили, насытились, напились медов, романей, фряжского; натешили своё грязное тело со славянками, от которых пахнет квасом и душистыми травами.

На своей одворице¹⁴ Вокша с отцом и пришедшим на помощь Некрасом дают отпор нападающим печенегам. Подростки неуверенно машут подобранными где-то кривыми саблями. Годин умело сражается с прибывающими кочев-

¹⁴ Одворица (древнерус.) – пространство вокруг дома и дворовых построек.

никами. Те смеются, скалят жёлтые и цинготные зубы. Они не хотят сразу умертвлять наглых россов. Некрас всхлипывает от усталости, боли и бессильной злобы. Годин ранен, но не сильно, его силы уже на исходе, а без отмщения уйти к жене не может. Дух её не простит, ежели не сумеет защитить двух мальцов. Малинка куда-то запропастилась. Видел ведь её, когда она лекарила воеводу и ратников, но после на том месте прорвавшиеся степняки бились насмерть с отступавшими ратниками.

Гордей, пробираясь к своей избе, узрел беду соседа, но не помог. Выглядывая из-за угла, смотрел, как Годин отдавал остатки сил, но никакого вреда поганым не приносил. Некрас лежал в луже крови с разрубленным черепом. Вокша сидел, прислонившись к бревенчатому забору – жив ли... сабля брошена поодаль в кровавой грязи. Кто-то из кочевников пустил – таки стрелу. Годин пошатнулся, приняв грудью оперённую вестницу смерти. Упал, как подкошенный, не столько ею, сколько немощью и болью. Лёжа боком, видел подошедших врагов, они незлобно пнули его, посмотрели на Вокшу, что-то лопотали возле Некраса, прошли в избу, но ничего не взяли. Видно, мальцов либо убили, либо не нашли. Хоть бы спаслись, сынки.

Гордей и не заметил, как был заарканен конным печенегом. Пленник не сопротивлялся, как бы подтверждая своей покорностью христианское непротивление злу, а понуро брёл, подстёгиваемый плёткой. И только одна мысль настой-

чиво терзала разум: кто теперь позаботится о сыне Пешке.

Вокшу не убили, просто оглушили саблей. С трудом поднявшись, он увидел мёртвого друга и тяжело раненого отца. Склонился над ним, положив на колени его голову, и вытер рукавом ему глаза. Годин открыл веки, чернеющие губы прошептали:

– Мальцов найди, если живы, Малинку сыщи, где запропала, может, повезёт. Ступай в Киев до дядьёв, они помогут. Малинка знает, как добираться. Меня брось.

Отец замолк, изо рта хлынула кровь, по телу прошла судорога, губы разжались, хватнули воздух, но сразу выдохнули его. Вокша рыдал как ребёнок, не скрывая слёз и душившего горя.

Глава третья. Княгиня и монах

1

Григорий вошёл в тесноватую, но тёплую клеть, пристроенную к княжеским хоромам. Сняв с головы скуфью, монах отворил окно и глядел на двор, поросший обычным разнотравьем, по которому, квохча, бродили пёстрые куры. Где-то рядом, хлопая крыльями, сердился петух. Под застрехой беззаботно чирикали воробьи, чуть выше – ворковали голуби. Мирская суетность приятно успокаивала, принося отдохновение от духовных забот.

Отвернувшись от окна, узрел кипу свитков, взятых из монастыря. Внезапно воспоминания о прошлом повернули время вспять. Будто волнами память прибывала к берегу сознания пенные ключья мыслей.

И вот он уже не в клети своей на Руси, а снова в Византии, в Константинополе, Царьграде, как называли его славяне. Над ним душные сводчатые потолки библиотеки, в которой горами на полках лежали свитки пергамена, списки, даже несколько книг, обложенных лучшим сафьяном. Их, как протоспафарий¹⁵ сказал по секрету, ему удалось достать лич-

¹⁵ Протоспафарий (греч.) – главный библиотекарь.

но для катепана¹⁶. Однако его нотариий¹⁷ как-то после лишней чарки хиосского изрёк совсем иное. Григория не интересовало, кто из императорских чиновников украл больше или меньше.

Свободно владея греческим минускулом и византийским унциалом¹⁸ и словно предвидя своё будущее, Григорий настойчиво изучал славянский по глаголическим текстам. Он много слышал о жизни братьев Солунских и восхищался их подвижничеством. Нотариий не раз выводывал у монашка, зачем ему эти скифы и их дикарский язык. Вот, дескать, латынь, древнееврейский, это необходимо, пусть даже агарянский¹⁹, но не проклятый склабинский. Григорий отшучивался, а всё же молча продолжал начатое. Катепану приглянулась подобная целеустремлённость и высокая книжность безродного монашка. Щедрая рука взяла под свою опеку бессистемную грамотность. Григорий получил доступ к ещё большим тайникам знаний, а вскоре поднялся над нотарием. Это и сыграло роковую роль.

Случай свёл Григория с юной красавицей, встреча с которой запала ему в душу. И дочери нотариия понравился скромный учёный монашек. Теперь чиновник мечтал о том дне, когда сможет растоптать проклятого монаха, словно дожде-

¹⁶ Катепан (греч.) – градоначальник

¹⁷ Нотариий (греч.) – писец.

¹⁸ Виды скоростного письма.

¹⁹ Агарянский – турецкий.

вого червя. Зависть усилилась пренебрежением и ненавистью, породила глухую злобу. Дочери он настрого запретил встречи с Григорием, а через короткое время спешно выдал заневестившуюся девицу замуж за одного из родственников протоспафария. Удачно проведённая сделка тем не менее не уменьшила зависть. Григорий ежечасно ощущал на себе неприязненные взгляды бывшего начальника. Не ведал он, что всё это может породить столь мерзкое дитя – подлость.

Однажды монаха вызвал к себе катепан. У приёмных покоев с загадочной ухмылкой на злобном лице и сладчайшей улыбкой хищника стоял нотариус, молча сотворив приглашающий жест. Григорий предстал перед градоначальником в полном неведении. Услышанное ошеломило и потрясло до глубины души.

– Исчезло бесценное сокровище: одна из двух книг. Похититель, продавший её, будет жить безбедно, – изрёк катепан.

Остальное сообщение чиновника Григорий едва слышал, ибо впал в некое полунетаргическое состояние. И до его слуха едва доходило, что в подобной государственной измене обвиняется именно он. Далее промелькнули два слова о честности...

– ...найди книгу.., если в течение недели не сыщешь, украденное, – пеняй на себя, — вполне равнодушно закончил чиновник.

Слёзы бессилия наворачивались на глаза. Уверенность была несомненной: нотариус похитил книгу и спрятал до по-

ры, чтобы оболгать честность. И в подтверждение сему скоро получил записку от любящей души – книгу видели в доме нотариуса. Решимость даже осмелилась вернуть похищенное законному владельцу, но подлость недреманным оком стерегла добычу, не допуская её исчезновения. Преданность и любовь были посрамлены, бдительность усилена, а срок исполнения задания истекал.

Подвернувшийся в сей момент советчик оказался подобен спасительной соломинке. У причала стояло судно, отправлявшееся на Русь с партией товара. Однако был оглашён указ осматривать перед отплытием корабли и сам порт, чтобы воспрепятствовать побегу опасного преступника. Григорий был в отчаянии. На сей раз выручила грамотность. Гребцы торгового судна, почти сплошь славяне, спрятали понравившегося им молодого ромеях²⁰, который молил о помощи на их родном языке.

²⁰ Ромей, ромей – так в Древней Руси называли подданных византийского императора.

2

В Киеве поселили поначалу в только что отстроенном храме. В пристройке находилась монастырская библиотека. Христианская братия тепло приняла ромейского монаха, который живо изъяснялся на славянском. А тот был никому не под шапку, отзывчив к беде и несчастью, открыт душою. Слух о нём пошёл по городу. Узнала о нём и княгиня Ольга. Чаше стала бывать в храме.

Григорий вознамерился окрестить эту властную женщину. Её муж не принял христианство, чуждо оно ему было. Женское сердце оказалось более податливо. Княгиня бессознательно потянулась к слову Божьему. Григорий, будучи в сомнении, для начала предложил освоить азбуку.

– Ведома мне такова, но которую знаю с самого сыздетства, ещё лучше. Взгляни-ка сюда.

Она ловко начертала несколько слов. Григорий был сильно поражён: с греческим письмом схожа несказуемо.

– Тот алфавит появился в Болгарии ещё до моего рождения, из Моравии, но приживался с трудом. В наших поселениях и городах среди книжников и знати большей популярностью пользуется этот. Наш царь Симеон был поклонником всего византийского, также и греческой письменности.

– Так ты и читать можешь?

– Да, обучали меня всему, что необходимо высшей зна-

ти, но несколько лет мне было не до того. Сам понимаешь – при неграмотном муже-язычнике недалеко и до беды. Кругом поклоняются идолам.

– Может, ты и к христианству присовокуплена?

– О том не ведаю. Когда отец Игоря взял меня из Болгарии, креста на мне не было. А здесь я и грамоту начала забывать. Хотела посещать местных христиан, но опять же нехристей испугалась. Прознают, что я крещена, снаушничают Игорю, он будет очень недоволен. А я всё-таки замужем, да и сын почти вырос.

– Как же ты хотела приходиться сюда будучи язычницей? Или смирились бы с этим, коль княгиней здесь?

Ольга поняла намёк Григория, но промолчала.

Так и тянулись дни за днями, недели за неделями. Ничего, вроде, не менялось в однообразном течении жизни. Постоянно приходившие вести с окраин государства и княжества о нападении печенегов и хазар стали обыденными. И как-то во время очередного появления княгини Григорий не преминул заметить о страданиях людских. Простой народ своею кровью оmyвает раздоры князей и прислужников их, он ждёт от высшей знати поведения достойного.

– Это уж не тот ли, что ползает у ног степняков, лижет их немытые лапы и лишь порой отпугивает от своих вотчин? И в духовном разброде поклоняется идолам на капищах да в малости – иконам и распятиям. Такого не ведаю и не приемлю.

– Не приемлешь, ибо бредёшь со многими, подобными тебе, во тьме язычества. Узри веру истинную, открой глаза и душу Всевышнему, ибо так и окончишь дни, погрязнув в грехе и разврате.

– Молчи, раб, – осекла Ольга.

– Не раб я, госпожа, – слуга Христа. Не благородство в тебе возроптало, но гордыня криком вопиет. Не насильем славен повелитель, а милосердием. Повелевать – не столько приказывать, более угадывать волю управляемых, в таком случае держава прочна согласиём. Смерд лишь тогда испытывает благодарность к праведным правителям, когда они своим оружием защищают его достояние.

– Нам бы помириться с ромеями, тогда и по поганым можно купно ударить.

Удалось-таки Игорю получить дань с Ромейской державы, а в лето 6451 изока²¹ заключить мирный договор. После чего русский флот отправился воевать страны, прилегавшие с юга к морю Хвалынскому²².

²¹ Изок – июнь, 943 год от Рождества Христова. Это 6451 год по древнеславянскому летоисчислению. До 1 января 1700г. в России пользовались летоисчислением, в котором отсчёт лет начинался от мифического «Сотворения Мира», якобы бывшего за 5508 лет до новой эры.

²² Каспийское море.

3

Поздним осенним вечером Ольга в одиночестве в грид-не²³ смотрела на бесновавшийся в бессильной злобе дождь. Дорога раскисла, вспучившись посередине от колёс и волокуш. Одиноко стоявшие деревья растопырили чёрные корявые пальцы ветвей. Жутко и холодно.

Зябко поёжившись, вызвала ключницу Малушу. Пришлось ждать, этого княгиня не любила. Не терпела она и эту холопку. Правда, баба молода, красна лицом, грудь высокая, бёдра обширны; уже на сносях, вот-вот родит. Сердита и на сына. Путается с разными чернавками, будто ему родовитых мало. Малуша наконец пришла, шевеля ягодицами под сарафаном. Каждый вздох вычерчивал рельефность упругих сосцов.

– Перенеси-ка светец в спальню да вздуй светло!

Зажгла лучину, подлила воды вниз и исчезла.

Ольга прихватила с собою сочинение какого-то древнего грека, развернула пергаментный свиток, но не читалось. Выписанные значки прыгали перед взором. Вдруг услышала тяжёлые шаги по княжеским покоям. В двери появился Вышата, боярин знатен, богат непомерно. Жидкая бородёнка ключьями торчала врастопыр, мокрая. Одежда также намокшая, выпачканные землёй сапоги оставляли позади гряз-

²³ Большая комната в древнерусской постройке.

но-водные следы. На лице печать скорбной торжественности.

– Печальное известие, госпожа.

– Из Искоростеня? – встrepенулась Ольга и испуганными глазами впиалась в боярина.

– Великий князь Игорь погиб не далее вчерашнего дня в стычке с древлянами на сборе полюдя. Убиенного вскорости доставят в Киев.

– Смерть, верно, была ужасной?

Вышата сразу понял, что эта женщина ждёт от него хотя бы что-то, обеляющее поступки мужа. Боярин не обладал характером и манерами христианина, а потому всё привык говорить прямо.

– Его привязали за ноги к двум деревьям...

В глазах потемнело, пламя лучины погасло, колени ослабли не в состоянии уже держать владычицу. Боярин едва успел поддержать наклонившуюся в сторону и едва не упавшую княгиню. На зов Вышаты прибежали прислужники и несколько отроков. Они бережно уложили повелительницу на княжеское ложе, оставив подле приживалку и сиделку.

Небосвод вначале посерел, затем заалелся, дождь наконец прекратился, ушёл, оставив чистое морозное небо.

Княгиня открыла глаза, обведя взглядом спальный покой. Приживалка вскрикнула, всплеснув руками, и куда-то исчезла. Ольга лежала, осмысливая своё вдовье положение. Она не страдала излишней чувствительностью и конечно уж теперь пылкая страсть молодости, перешедшая со временем лишь в некое подобие любви, не столь сильно обуревала её к мужу. В обморок она упала просто из боязни за своё будущее. А оно было довольно безотрадным. С остальными жёнами Игоря она виделась, а тем паче общалась весьма редко. Это были обычные бабы, годные только на усладу мужу, угождение его прихотям да постыдный блуд во время частых отсутствий князя. А теперь ей вкупе с ними придётся, во исполнение обычаев русских, предать себя добровольному закланию, а тела их сожгут на тризном кострище. Несомненно, явятся увещатели, зачнут капищные законы поминать. Пропади они все пропадом, кровопийцы! Ох, и зачем понесло на Русь полудикую? Не зря ромеи зовут русичей скифами. В Болгарии было бы лучше.

Ольга встрепенулась, сиделка настороженно напряглась, ожидая приказа.

– Квасу бы испить!

Появившаяся приживалка принесла жбан, налила из него в расписной ковш, подала Ольге. Напившись, легла опять,

вспомнив прежнюю мысль. Княгиня пробежала усталым взором по опочивальне, словно пыталась где-то в укромном уголке отыскать обрывок затерявшихся раздумий, но тщетно.

Более месяца пролежала государыня: то ли сказалась душевная слабость, то ли в самом деле недуг какой. Лишь в начале просинца²⁴ на первой седмице, Ольга проснулась здоровой, вернее почувствовала себя таковой. Надоели ей знахарки, колдуньи и ведуньи с их травами, заговорами и заклятьями.

Сиделка сразу увидела проснувшуюся государыню.

– Рученьки-то разбросай, разбросай ошуюю да одесную²⁵ и разогнись, опричь облегчения ничему не бывать.

²⁴ Так называли декабрь в Древней Руси.

²⁵ Правую да левую.

5

Вот и явились те, кого так ждала и боялась. С утра народ праздновал Велесов²⁶ день, гуляли в звериных масках и вывороченных наизнанку тулупах. На стол поставили печенье в виде домашних животных. Ольга грустно взирала с высоты терема на веселившуюся толпу празднично одетых людей и прочих зевак.

В это время доложили о приходе волхвов. И почти сразу в гридню вошли четыре старика с длинными седыми бородами.

«Какие-то они слишком ветхие, лица хмурые и скорбные, будто не волю свою пришли объявлять, а к смерти меня приговаривать. А этот средний еле на ногах держится, вот-вот рухнет навзничь, клонится назад».

Старцы, словно сговорившись, отвесили поклон.

– Исполать тебе, княгинюшка, не серчай на нас, коли что не так скажем, но мы ни государить, ни глаголить по-мудрёному не умеем. Ты же, слышали, даже грамоте ромейской разумеешь.

– Короче! – властно отрезала Ольга, впившись ненавидящими глазами в блюстителей капищ.

²⁶ Велес, Волос – древнеславянский бог, покровитель домашнего скота и всякого лесного зверья.

– Ономнясь²⁷ великий князь отошёл в страну предков. Мы уже сказали слово Предславе и другим жёнам. Они ответили добром.

– Обошли вы их, брады лунные! – вскрикнула Ольга.

– Вприкос не шли, ей-ей, кривде хода не было, верь нам.

И тебе надо бы вкупе с ними.

– На костёр, следом за мужем?

– Да, государыня. Обычай суровы, но не дозволено никому рушить их, даже князьям.

Княгиня, на какое-то время, удручённая таким обстоятельством, потеряла дар речи. Отказать волхвам даже не пыталась, зная тщетность этого действия. Схитрить! Выиграть время и найти выход из беды.

– Ну что же, быть по-вашему.

Согласилась с оговоркой, будто волхвы объявят об этом принародно в день тризны перед сожжением тела покойного. Старцы приняли предложение, задумавшись. Удалились с твёрдым намерением не упустить увёртливую птаху. Ольга проводила их более осмысленным и вдохновлённым взглядом. В голову птицей впорхнула и прочно утвердилась лихая идея.

²⁷ Ономнясь – недавно.

Григорий ещё стоял на коленях перед образами, творя заутреню, когда в келье появилась княгиня. На осунувшемся лице блиставицей полыхали ясные, умные глаза.

– Князь преставился, убили, – прошептала землистыми губами и со стоном опустилась на скамью.

– Ведаю, княгиня, – не поворачивая головы, изрёк монах. Он не мыслил бросаться к её ногам, рассыпая ей советы или одаривая сочувствием. Нет, не бывать тому! Негоже христианину потакать язычнице. Не видать прощенья!

– Приходили капищные деды, требуют заклятия вкупе с жёнами. А я жить хочу, чувствую, доведётся мне что-то важное для Руси сделать, не допущу сына к власти.

– Нельзя творить самовластие, княгиня, аки греховное деяние. Не подобает государственному мужу окровавленными руками брать корону. Действие сие предваряется очищением души, тако и соблюдением устоев нравственности.

Монах уже перебирал пергамены, будто искал что, теперь положил очередной свиток на полку.

– Распутна была, с Игорем уже жила, сына ему родила, но изменяла супругу. В соблазн ввела молоденького, спала с ним не единожды, нравилось.

Григорий обернулся, в упор глядя на измождённое лицо Ольги.

– Недоумок был, но лицом красен. Волос, что смоль, а очи небесные, «голубеньким» и звала. Души в нём не чаяла, любила, будто дитя родное, вздорили, всё прощала и позволяла. Потаскушнее меня оказался. Застала раз, аки младенца, с девкой, кастрировала и ослепила. Кричал громко, молил простить, не сжалилась.

– Каешься, будто христианка на исповеди.

– Не приемлю всех этих идолов и духов. Единобожия надо, душа должна «говорить» с одним Создателем.

– Крестись, помогу. Каноны языческие минуешь, волхвов переключаешь и душу от бесовского растления спасёшь. У греков сейчас на троне господин Роман, василевс²⁸ простой и неграмотный человек, вдовец. Ты же познала святость чтения, ведаешь христианские обычаи и порядки не хуже меня. Только перед хитростью собери бояр своих, испроси как бы совета, пусть думают, будто поступила по наущению их, если что и дельное скажут. В случае чего ты всегда сухой из воды выйдешь, а ворога и к ответу призвать будет легче.

– Духовным отцом моим станешь, советчиком во всех делах и начинаниях, люб ты мне, монах. Ты много читал, знаешь, слышала, будто служил хартофилаксом²⁹ у одного из сновников царя ромейского, беседовал книгами³⁰.

– Не могу лгать тебе, правительница. Только как же я буду

²⁸ Василевс (греч.) – император, правитель, царь.

²⁹ Хартофилакс (греч.) – переводчик и переписчик иностранных книг.

³⁰ Беседовать книгами – читать книги, владеть грамотой.

наставником у язычницы? Не простится мне такое. Примешь веру греческую, соглашусь.

Но лишь сказала, а сама уже давно решила принять христианство, чтобы избежать костра и по праву занять место мужа в Киеве.

Глава четвёртая. В пути

1

Ещё с вечера посвежевший ветер пригнал обрывки чёрных облаков, которые сгрудились в огромную грозовую тучу. Ночью небо расколосось на куски, исчерченное гигантскими молниями. Самая большая попала в вековой дуб, росший на берегу Безымянки и выжгла его до корня. Люди говорили, что боги за какие-то провинности наказывают славян, а Перун пустил стрелу из лука – радуги, чтобы земные жители не запамятовали о существовании всемогущих небесных владык. Следом, словно из реки, хлынул ливень.

Вокша ещё загодя перетащил трупы родителей в избу: решил ночевать вместе с ними мёртвыми. Почти сразу же с Пешком невесть откуда пришли и братья. Почти всю ночь проворочался Вокша, вздрагивая при каждой дребезжащей вспышке; почти всю ночь простоял на коленях Пешок, творя молитвы и крестные знаменья: «Ты зришь моё сердце, ведает мои мысли, Господи! Помоги этому вьюношу розыскать сестру и всем им и мне вкупе с ними добраться до стольного града, найти там приветное слово и доброжелательство взамен убиенных ворогами отцов и матерей наших».

Голос мальчика иногда срывался с шёпота на звук, порой

снова возвращался к шептанию, но истовость просьб была прежней и искренней. Пешок от всей души хотел для Вокши всего того, что можно было пожелать в их довольно незавидном положении. Вокша всё это слышал и даже иногда завидовал подростку, который умел разговаривать с Единым Богом и читать некоторые молитвы на чужом языке. В этот миг он даже поклялся себе, что если удачно доберётся до города и найдёт сестру, обязательно примет греческую веру.

Взошедшее солнце осветило страшные картины пожарищ и опустошения. Печенеги ушли, захватив богатую добычу и полон; оставили повсеместно разбросанные трупы в грязно-красных лужах крови и воды да мучавшихся раненых.

Вокша поднялся первым и сразу осмотрел всё хозяйство, разорённое набегом. В хлеву и конюшне опустело, что не было съедено, забрали или увели. В амбаре осталось зерно прошлого урожая, годное только на корм животным. Он попробовал несколько зёрен. Прогорклые. Да, таким хлебом сыт не будешь. Видимо, поэтому степняки его и не тронули.

Братья встали чуть позже и рассказали о своих злоключениях: о том, как отец принёс убитую мать, а вскоре пришли поганые, стали всё грабить и скотину забирать. Мальцы живо смекнули, что надо спасаться и забрались в большой зарод за амбаром. Оттуда и наблюдали за всем, а когда степняки ушли, вылезли. Пешок подтвердил слова мальчишек. Он видел, как они, словно тати, воровато озираясь, прошмыгнули в избу, забрались на полати и печку.

– Ин ладно, – махнул рукой Вокша. – Добро на добро не меняют. Теперь надо подумать, где Малинку искать станем: либо среди убитых, либо живых.

– Такую девку навряд ли убили. Могла сопротивление оказать поганым, тогда и убиенной быть. Не иначе с полным угнали к Сурожу. Иди по людям, спрашивай, чиниться не след, oprичь доброго ничему не бывать.

Оставив мальцов на попечение Пешка, Вокша пошёл по городищу выполнять отцовский наказ. Даже не зная, с чего начинать поиски, он подошёл к развалинам и обгоревшим частям бревенчатой стены.

– Дай напиться, сынок, губы уже потрескались.

Вокша наконец нашёл говорившего. Смолятич лежал под грудой трупов на спине, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Покличь-ка Звягу, отроче! Он в подмоге не откажет, да и залечарит раны мои. В спину ведь поразил, басурман проклятый, сего ради здесь и лежу.

Вокша не стал искать ремесленника, а попытался сам хоть что-то сделать. Получилось. А когда стаскивал труп здорового печенег, появились люди с носилками и волокушей. Они собирали убитых и раненых.

– Вот ещё один! – указал какой-то селянин, ведший коня.

– Небось, ты, выюнош, откопал вояку сего, ну, признавайся.

Говоривший сразу подошёл к раненому, пытаясь поднять

его. Тот открыл глаза, лицо растянулось в улыбке.

– А ведь я отроку наказал сыскать тебя, чтобы ты меня вытащил из-под трупов, а он уже и сам справился.

Звяга повернулся к Вокше и окинул его пристальным взглядом.

– А ты что тут? Родителей потерял или ещё что?

– Побили родню мою, – прошептал, кривя губы. – Сестру вот ищу, может, видел кто её.

– Уж, часом, не Малинку ли? – осведомился подошедший незнакомец с белой тряпицей на плече.

– Её, её, родимую, её, мою матушку, – подросток закивал головой, заискивающе улыбаясь, а из глаз покатились непокорная слеза.

– Плачь, отрок, не стыдись, не зазорно сие. Угнали сестрицу твою поганые с полоном. Всех угнали.

Голос незнакомца задрожал, кулаки сжались, желваки заиграли.

– Как ворвались степняки в городище, сестрица твоя только рану целить мне кончила. Бабы, какие тем же занимались, с криком побежали, Малинка – последней. У корчмы ей аркан набросили, повязали. Не рыдала, не рвалась, только крикнула: «Убегу!» Да, хороша, девка, шустра, – закончил незнакомец.

– Небось, к Сурожу пошли, бедолаги, – добавил Звяга.

И тут же обратился к Вокше с вопросом, что он думает делать с погибшими родителями? Юноша и сам не знал, удру-

чѐнно разведя руками. Ремесленник на это высказал предложение снести тела на общее кострище, да и справить там завтра утром тризну по убитым селянам, а заодно и по угнанным селянкам, ибо из рабства ещё никто не возвращался.

– Прости уж, Смолятич, что водицей не напоил.

– Не кручинься сим, отроче. Куда же ты теперь?

– Пойду в Киев, как тятка наказывал. Может, оттуда удастся сестрицу сыскать.

– И то верно, выюнош. Надежду не след терять, она нам жизнь облегчает, с нею и лихо – мѐд. Ступай, родимец, чаю, радость ты там встретишь.

Вокша повернулся и побежал к дому. И только тут, чуть завернув за угол недогоревшей избы, он смог наконец дать волю своему нестерпимому горю и вольным слезам. В плаче и рыданиях твердил ласковые слова сестре, которая была ему и нянькой, и сиделкой, а порою даже мать заменяла. Вспоминал самое лучшее, что было связано с нею. Тут же, сжав кулаки и повернувшись на восход, поклялся Перуном непременно найти дорогую Малинушку, где бы она ни была, живую или мѐртвою.

Придя домой, обнаружил, что дети уже накормлены Пешком и спят, а сам он тоже поел и дожидался возвращения хозяина.

– Ты бы тоже перекусил что, сытый ведь голодного не разумее.

2

За столом Вокша, не торопясь, поведал другу обо всём, что удалось узнать у ратников о сестрице. И опять невольная наследница пережитого увлажнила щеку, глаза запеленило мутной поволокой.

– Не надо, не стоит сейчас. Может статься, сыщется. Слышал я ономясь у одного страдника дочь умыкнули тати заезжие. Родители гореванили не можно словом передать. Искали везде, куда богам было угодно указать. Год уж прошёл, а они продолжали поиски с доброй надеждой на удачу. Настойчивость и вера были вознаграждены. Отыскалась дочь его в Ромейской державе, служила в прислугах у тамошнего купца. А тот купил её у хазарина. Посоветовался страдник с роднёй да друзьями. Собрали, какие могли, гривны³¹ и выкупили девушку. Купец не жадным оказался.

Почти всю ночь снилась Вокше Малинка. Будто находилась она в страшном и сыром подвале, что-то там делала и одета в невероятно рваное рубище, которое и одеждой-то срамотно назвать, коль груди совсем голые. Сестрица часто смахивала ладонью капающий со лба пот. А где-то высоко, над её головой, виднелось злобно смеющееся лицо отвратительного толстяка с трясущимся подбородком.

Ещё до зари Пешок пробежал по уцелевшим, но пустым

³¹ Гривны – денежная единица Древней Руси.

избам, где сохранился домовый обиход³² и раздобыл что можно на завтрак и в дорогу.

После подъёма все плотно позавтракали и приготовились к позднему обеду.

– Как же город тот искать станем? – спросил Пешок, дожёвывая кусок отварной говядины с ржаным хлебом.

– А вот прислоняй слух да суди: прав я или ты что предложишь. Я же смекаю идти с полудня на полночь да по дороге расспрашивать всякого встречного да поперечного, как сестрица сказывала: «Язык до Киева доведёт».

– Не все ли хлопоты? Небось, и здесь бы со временем обжились, а заодно и Малинку не торопясь искали.

– Вот сего ради и идём в Киев. Оттуда и за море виднее.

Сразу после всего собрались и направили стопы по северной дороге. Чуть отошли от Ратицы, Пешок встал на колени и, оборотясь на восход, творил шепотью непонятные Вокше знаки, шептал неведомые словеса. В докончание произнёс уже громче:

– Сохрани и помилуй, оборони горемычных!

Молча, почти без разговоров, шли до ближайшего поселения, но и там побывали проклятые. Вороньё тучами носилось над местом страшного разоренья и разбоя. Здесь, видимо, даже трупы некому было убрать: всюду лежали уже распухшие убитые, изрубленные, обезглавленные, источавшие нестерпимое зловоние. Кое-как всё же удалось найти съест-

³² Домовой обиход (древнерус.) – совокупность всего хозяйства в доме.

ное. Но лишь отойдя на порядочное расстояние, путники, вымученные трудным переходом, смогли наконец отдохнуть и пообедать в тени огромного дуба, росшего подле дороги. Рядом, к счастью, обнаружили родник, который раздвинул песчаное взгорочье студёными струями. Напились из него освежающей прохлады и даже соснули часок, другой. А когда встали, быстро направились дальше, но только к вечеру, уже ввиду какого-то селения решились остановиться на ночлег. И без ужина, более желающие сна, нежели пищи, уснули под неумолчный звон мошкары да комаров.

Утром отправились к людям с просьбой о помощи.

– Сам не бывал в стольном, но ведаю, что торной дорогой ступаете, отроки. Сейчас я ещё зятя попрошаю, он уж точно знает, даром что два раза ездил туда на ярмарку.

Хозяин подворья, мужчина с окладистой бородой и живыми голубыми глазами, быстро поднялся по лестнице на сеновал. Некоторое время слышались приглушённые мужские голоса.

– Точно вам пояснил, – более вежливо добавил незнакомец, засовывая в торбу Пешка с десяток яиц. А после вынес один каравай и напоил ребят парным молоком.

В другой избе разжились репой и бобами и похлебали ржаного киселя с блинами. В третьей – дали снасти для ловитвы. Пешок с Вокшей пошли в указанном направлении, выйдя к реке, нашли заводь и в скором времени в их распоряжении было до дюжины крупных рыбин. После возвраще-

ния снастей подростки получили немного ядрицы³³ и полбы³⁴, а также лук, чеснок и укроп.

Довольные своими припасами, двинулись дальше.

– В лесу поищем грибов да ягод, в накладе не будем, чай, не зима.

Вокша хорошо умел собирать эти лесные дары и никогда не обманывал ожидания своей наставницы, Малинки. Это она обучала брата всем сноровкам да житейским хитростям. Это благодаря ей он мог сыттить себя и мальцов.

И действительно, в лесу путники живо набрали рыжиков, боровиков и прочей грибной снеди. Детвора со смехом лакомилась кнежанкой да малиной. Почти день шли беженцы, отдыхали час – полтора для восстановления сил. Только к вечеру два подростка и два мальчика остановились в безлюдной местности на ночлег. Солнце клонилось к закату. Вокша стоял, оглядывая окрестности. Направо от дороги темнел листовую дубово-сосновый бор, а левее – опушка леса давала хороший обзор, сторожась травянистым безлесьем.

– Здесь переночуем, Пешок, добывай полымя! Я с братьями хвороста натаскаю да сварю уху для вечера.

Весело трещит на сухих полешках огонь, разбрасывая щедрым всплеском звёздные сполохья искр, от которых порой вспыхивает близлежащая трава. Мальчики отчаянно тусшат огненные игрища, рискуя обжечься. Звонким булька-

³³ Ядрица – гречневая крупа.

³⁴ Полба – злак; особый вид пшеницы с ломким колосом.

ньем в горшке возвестила скоро закипевшая вода. Брошены полба и соль, а спустя некое время – рыба с луком да укропом. Ароматное варево щекочет нюх, пленяет желудок. Есть хочется, страсть!

3

Три странные фигуры разорвали звёздный круг, лица людей осветились светом пламени.

– Рыба, чаю, переварилась. Проснитесь, отроци! – громко поведдал один из пришельцев, самый молодой монах, на ремнях (плечах), которого висела подпоясанная узким ремешком почти новая рака³⁵. Такими же были и блестящие от пламени костра поршени³⁶, в которые обулись и остальные монахи. Однако порты их различались. Второй, постарше, облачился в фелонь³⁷ из тёмной шерсти и стоял, опершись на дубовый посох. В чугу³⁸ оделся третий, он выглядел старше всех, возможно, таковым и являлся.

Пешок живо сунул очищенную ветку в горшок.

– Благословен Господь! – поднял глаза на монахов. – Куда направляете стопы, святые отцы? Подсаживайтесь!

Младший снял с головы чёрную скуфейку и первым подсел к огню, его примеру последовали и другие.

– Идём на полночь, поначалу в Киев, а после – на Еленскую гору, поклониться гробу Господню.

– Это что ж, в самый Иерусалим направляетесь? – зацокал

³⁵ Рака – монашеская одежда с коротким рукавом.

³⁶ Поршени – кожаная обувь в виде сапог.

³⁷ Фелонь – монашеская ряса с длинным рукавом.

³⁸ Чуга – монашеская ряса с капюшоном.

языком подросток, выказывая тем своё восхищение.

– Не можно, чтобы каждый христианин не зрил Голгофы³⁹, не ведал страданий Божьего Сына и Его сподвижников, – пояснил старший монах.

– Просим отведать ушицы вкупе с нами, – пригласил Вокша, подавая каждому ломоть хлеба.

– Хороша уха, навариста! – нахваливал младший, уписывая за обе щеки ароматное варево.

Монашеская братия, поддерживая приятеля и отдавая должную благодарность гостеприимству, молча уничтожила содержимое горшка. После ужина придвинулись ближе к свету, и монашек достал из сумы книжицу в коричневом кожаном переплёте. На верхней обложке тиснёный золотом сверкал восьмиконечный крест. Пешок воззрился на страницы.

– Помолимся, братие, Господу нашему, Иисусу Христу!

Монахи дружно осенили себя крестным знамением, губы шептали молитву. Раскрытая книга лежала на коленях. Пешок не сводил с неё восторженных глаз, рука непроизвольно потянулась к манящему сокровищу. Монашек позволительно упустил из вниманья это движение. А подросток уже раскрыл обложку, губы зашевелились, лицо выражало истинное удовольствие.

– Ведаешь ли грамоту, отроче?

³⁹ Голгофа – от арамейского *Golgota* – дословно «шар, округлое возвышение», древнееврейское *Haq-Gulgolet* – дословно «череп, голова».

Пешок, увлечённый чтением, не слышал вопроса.

– Читает он, – кивнул головой Вокша. – Ещё в Ратице, что ни попадись ему в руки, прочитывал и также глох, когда чтение нравилось. Говорили, будто даже ромейский немного ведаёт

– В таком возрасте, а уж столь учён есть. От Бога сие.

– А есть ли Он, Бог? И какой Он? – осторожно осведомился Вокша, но не верил, что услышит что-либо ответное.

– Бог есть, – отвечивал старый монах, – но Его никто никогда не видел.

– Верно, и не увидит?

– Возможно, зане Бог у каждого в душе.

– Господь хранит ходящих в незлобии. Пусть же не будет оскудения в сумах ваших и в доброхотстве. Слава Господу, Иисусу Христу, пресущественной Троице и всем святым угодникам.

Наконец все насытились, и Пешок аккуратно убрал всё на место. Вокша уложил братьев спать и сам прилёг рядом. Монахи сразу устроились на отдых, и скоро дружный храп раздавался с противоположной стороны костра. Пешок осторожно пробрался к уже начавшему гаснуть огню и заботливо укрыл мальцов, а сам некоторое время лежал, вперив взгляд в небо. Что он там видел? И видел ли что, а, может, просто мечтал о чём?

– Либо зрак не зрит, либо очи ангелов чаще мигают, – прошептали губы.

А веки постепенно слиплись, покорённые усталостью
и сном.

Взошедшее солнце разлило по округе жаркий цвет, коснулось кончиком луча носа спящего мальчика. Он сонно перевернулся на левый бок. Яркое пятно тут же перескочило на другое лицо, оно растянулось в довольной улыбке и открыло глаза. То, что скрывала темнота ночи, утром оказалось более юным. Монашек сел, лукаво озираясь. В его небесного цвета глазах блестели озорные искорки. Поочерёдно тормоша своих собратьев, он наконец разбудил всех.

В это время проснулись и Вокша с Пешком, которые живо вздули пламя, сунув туда горшок с остатками ухи. Вскороosti и завтрак приспел. Когда были разбужены братья, Вокша пригласил всех к еде. Мальцы спросонья таращили глаза, монашек весело хохотал, глядя на ребят. Наконец все уселись. Старший монах вытащил из сумы блины с ягодой, раздал каждому по паре и по варёному яйцу.

– А куда же вы идёте? Какое дело пытаете?

– В Киев надо нам, – быстро пояснил Пешок, опередив друга. – А что там? Будем дядьёв евойных искать, а с их помощью и сестрицу. Печенеги её увели вкупе с полоном, а родителей порешили.

Пешок кивнул на вконец поникшего Вокшу.

– Мы тоже из селенья ушли, – откровенно начал монашек. – Не смог наш воевода отворотить печенежский набег.

В раздоре он с тиуном. Казна его от воровства богатеет, а ум от жадности скудеет. Недоумком был, ему по-насердке облыгать кого, али опалиться, что скрозь зубы плюнуть. На той седмице шед мимо его хоромин блаженный слепец. Встал у окна и всю правду высказал воеводе: почему досель не помогает бедным, опричь худого никто не видел от него. А воевода как раз сел сорочинское пшено с пресным мёдом обедать⁴⁰. Громкие словеса слепца вынудили приклонять слух⁴¹. Воевода выглянул в окно и узрел тщедушного старика. А когда услышал речи его охальные, повелел отрокам своим убрать блаженного с глаз долой. Тащат его слуги, а слепец вопиет на всю улицу, дескать, прежде бывало господа заботились о селянах, хлебосолюствовали, яко добрые пастыри, боронящие овцы их. А ныне крест на криве целовали⁴², не убоятся ни языческих истуканов, ни Вечного Судьи. Покричал эдак старик, да и сгинул, досель про него не ведаем. А вскорости ночью поганые напали, да всех и порешили, токмо полон вживе оставили, а нас, грешных, Господь от гибели и пленения оборонил.

– В Киев правильно ступаете, но сестру должно искать в Ромейской державе. Немытые чаще туда людей продают, особливо молоденьких девок, – пояснил средний монах. –

⁴⁰ Сорочинское пшено с пресным мёдом – отварной рис с сахаром.

⁴¹ Приклонять слух – вслушиваться; прислушиваться к словам.

⁴² Крест на кривее целовали – лжесвидетельствовали, обманывали, лживо обвиняли кого и тд.

Купно пойдём, так веселее, да и пищу добывать сподручнее, а кольми паче⁴³ от худых людишек оборонять себя.

Так они и сделали. Шли вместе без всяческих неудобств и оскудения в пище, покуда не увидели издали черневшие громады крепостных стен, а за ними – большой город.

⁴³ Кольми паче – тем более.

Глава пятая. Город

1

Вот оно, диво, огромный город! Мощные бревенчатые стены с узкими бойницами да башнями, за которыми может спрятаться три, а то и четыре таких Ратицы. Повсюду на верхах городская стража несёт дозор с копьями, луками да бердышами. Смотрят зорники старательно, не желают внезапного нападения степняков.

Путники уставшими шагами медленно приближаются к городским воротам. Впереди гружёные продуктами и живностью возы. Тут живая рыба в кадках и бочках, яловичина, баранина, зелень. Подростки и монахи идут среди телег с овощами и ещё чем-то, прикрытым рогожей.

Смерды балагурят меж собой, смеются, ругаются; остановившись, руками решают первенство в споре, правдивость повествователя.

– Вот мы и дошли, – известил старший монах, обратясь к Вокше. – Нам в эту сторону. Идите вдоль посада и вопрошайте всякого встречного – поперечного, авось, найдёте родню

– Случится что, ищите нас, отроци, у христиан, в церкви святого Ильи! – крикнул напоследок монашек.

– Лишнее глаголил молодой, – наблюдательно доложил Пешок. – Монахи недовольны, а нам – на руку.

Огромное городище, люди какие-то странные: то ли злые, то ли слишком озабоченные. Вокша уже которого спрашивает о дядьях, хотя делает это очень невнятно, да и не удивительно при абсолютном незнании оного, но никто ничего не говорит в ответ.

Мальцы давно уморились, хорошо, что пока ещё молчали. Глаза их прежде блестящие интересом и любопытством, устало погасли, головы поникли, ноги едва передвигались.

– Не горюйте, братки, скоро придём.

На мгновение мальчики оживились, но через несколько шагов снова устало плелись и даже порою хныкали.

– Отдых им нужен, да и нам не помешало бы...

Вокша пристально посмотрел на Пешка, обнявшего мальчиков.

– Ладно, идите сюда. Подождите чуток, я здесь пробегу немного. Поспрашиваю у людей о родне.

Он на что-то надеялся, хотя чувствовал, что в его положении эта надежда – пустое самоуверение, не больше. Глазами искал в людской толчее якобы знающего человека, проходил по несколько раз туда – сюда, не замечая, что движется по одному месту.

– Ты, видно, кого-то ищешь в сей юдоли, – услышал чей-то скрипучий голос, но не обернулся. – А ты спроси, может, подсоблю. Молод, совсем зелено, но заботами полон. Что

там мелкие горести в сравнении с радостью юности и беспечности. Давно слежу тебя.

Вокша наконец осмелился и увидел почти лунноликого старца, на коленях уставшие персты с жёлтыми ногтями.

– Ищу дядьёв своих, а где они – не ведаю и не видел их никогда.

– А как же ты ищешь того, кого никогда не зрил?

– Сестрица Малинка знает, я совсем мальцом тогда был. Но печенегии забрали мою родимицу, отца и мать порешили на поле брани. Слышал токмо, будто один из братьев отца был в те поры богатым гостем.

– Тогда на Подоле⁴⁴ искать надобно, – старец простёр длань на заход. – Там все менялы и купцы с давних пор проживают.

– Благодарю, дедушка, от всего сердца, поклон тебе за помощь.

Вокша помчался со всех ног, но не в указанном направлении, а к оставленным братьям. Пешок уже накормил малых остатками монашеских подаваний. Уставшие, они мирно спали на соломе, подложив под щёки кулачки. Вокша умилился такой картиной и полушёпотом поведал другу о своих поисках.

– Надобно на реку сходить. Снасть сотворишь сам. Вот крючок есть, – Пешок говорил, поникнув головой, и подал,

⁴⁴ Подол – район в Киеве, где издавна селились торговые люди: купцы, ростовщики и менялы.

что утаил при возврате и что теперь оказалось ценнее всего на свете.

– А сейчас ложись рядом, тебе поутру идти на ловитву.

Ещё не светало, когда Вокша вскочил по нужде, и вспомнил наказ друга. Взяв нож и кусок тонкой бечёвки с крючком, двинулся к реке. Там живо нашёл заросли ивняка, сломил ветку на удилице, очистил её от помехи и прикрепил к ней всё необходимое. Здесь же, возле кромки воды, наковырял червей, и ловитва началась. Забрасывая рыболовную снасть, скоро вытаскивал на берег и снимал с неё извивающееся живое серебро. Солнце было на восходе, когда на ивовом прутике в воде лежало десять крупных рыбин.

«Тут бы и обустроиться на время», – подумал юноша несколько легкомысленно.

Спрятав наловленное, бегом отправился за братьями. Те вместе с Пешком ещё сладко спали. Вокша растолкал их и приказал следовать за собой. С гордостью и довольством положил перед мальчиками плоды своих трудов и дал задание приготовить рыбу к полудню. Пешок живо организовал сбор дров и чистку рыбы, а сам занялся добыванием огня. К тому времени, когда подле костра лежала уже вычищенная рыба, огонь успел разгореться, и над ним висел горшок с водой.

Поспевшая уха утолила голод. Старшие занялись после обеда уборкой, а меньшие, раздевшись, вошли в реку и плескались в прохладной воде вблизи берега.

– Смотрите, осторожно, ино водяник имать⁴⁵ станет, живота лишит, ино русалки защекочут.

Подросток сердито сверкнул глазами, но в то же время добродушно взирал на братьев. Опустился на берегу возле устало усевшегося Пешка.

– Поучил бы нито грамоте, зело познать охота.

– Письмена нужны, а глаголы пустые не к чему на ветер пускать.

– А ты вон на песке начертай, а я запоминать стану. Вода всё смоеет, но токмо прежде нужно спрашивать, чтобы у меня что откладывалось в памяти.

С тех пор Пешок регулярно обучал друга всему, что хоть как-то знал сам. Может, и корявым выходило это обучение, но дело продвигалось. К концу месяца Вокша уже бегло читал по складам, а когда начинал врать да запинаться, Пешок нещадно отпускал подзатыльники и громко хохотал. Подросток сконфуженно и исподлобья смотрел на учителя, помалкивая. И как-то раз предложил своему ученику начать осваивать греческий. Вокшу это испугало, сначала отказался, но после, словно одумавшись, сам настоял на обучении.

⁴⁵ Имать (древнедиалект. форма) – ловить, удерживать.

3

Сегодня он снова пошёл к камышам, заранее приготовив снасти для рыбной ловли. Но уже подходя к волнистой поверхности пробежи⁴⁶, услышал громкий плеск, который сопровождался странными хрипами и звериным ворчанием. Прислушавшись, прибавил шаг, зорко всматривался и искал возмутителя спокойствия. Внезапно глаза остановились на чудом попавшем сюда трухлявом пне, обросшем мхом и травой. Но не коряга. Да ведь это старуха. Ведьма!

– Ну чего узрился? Хочешь помочь, помогай.

Он, словно по заклятию, подскочил к старухе, протянул ей руку. Она вцепилась в неё заскорузлыми перстами. Тяжко отдуваясь, выбралась-таки на берег.

– Спасибо тебе, мил человек, – шепеляво пробубнила ведьма. – Проводи-ка меня в избушку, коль ты такой добрый.

Вокша не знал, что делать, но любопытство пересилило опасение. С интересом и страхом подошёл к хижине.

– Входи, – пригласила хозяйка, проходя первой. – Света нет, да и не надо. Сейчас очаг разожгу, благодарить тебя стану.

– Как же? – чуть слышно пролепетал Вокша.

Вместо ответа что-то рухнуло, старуха пробурчала невнятное, в очаге, как по волшебству, вспыхнуло яркое пла-

⁴⁶ Пробежь – протока в реке, проточная вода.

мя, оно осветило убогую лачугу людской изгнанницы.

– Сделаю тебя сильным и крепким, ни оружие, ни зверь тебя не тронут, даже блиставица. Знахарство изведешь, людям поможешь.

На огне уже стоял котёл, в котором что-то болотно булькало. Старуха склонилась над кипящим варевом, от которого к потолку поднимался пар, но не белый, а разноцветный, впитавший в себя множество неведомых запахов. Губы беззвучно что-то произносили, но голос становился громче, теперь можно было разобрать:

– Огонь пищит, бучит, изгорит нечто, искра из огня прынет и падёт человек, свеча угаснет. Пёс выет, рыба встрепещет, трава шумит, дерево о дерево скрипит...

Вокша сидел в углу, подле лежанки, воровато озираясь по сторонам, на его лице и в глазах плясали сполохи пламени. Страх полозом опутал сердце, сжал его.

– Сейчас купать тебя стану, готовься. Ну что зевало открыл? Не робей. А то вдруг и устыдишься? Я вашего брата перевидала на своём веку всяким. А ты ещё малец...

И опять он повиновался её словам, онемев, медленно стягивал нехитрое платье.

– Внимай, – молвила ведьма, взмахнув когтистым перстом. – По первой щуке, пойманной весной, поселяне узнают о будущем урожае хлеба! Если икра в щуке толще к голове, то лучший урожай будет от ранних посевов; икра ровная предвещает посредственный урожай. Хребтовые кости рыбы

привешивают к воротам, как средство от повальных болезней; а щучьи зубы собери и носи при себе, чтобы ни одна змея летом не пожалила тебя.

Старуха снова зашептала и искоса поглядывала на переступавшего в нетерпении юношу. Он уже начал лязгать зубами, но не от холода.

– Иди сюда, – прошептала ведьма и взяла в свою ладонь его почти взрослые пальцы.

Вокша встал в наполненный ушат. От воды приятно пахло травами и ещё чем-то ароматным. Ноздри щекотало, словно постоянно хотелось чихнуть, но в то же время что-то удерживало от такого желания. Старуха окунула персты в воду, обрызгав Вокшу с головы до ног. Затем она шептала заклятия и втирала пахучую влагу в молодое упругое тело с каким-то кощунственно страстным вожделением, прикасаясь к чреслам, и рассматривая всё пронзающим взглядом.

– Любим будешь многими жёны, да похоть не пристанет, но и ответной любви не жди. В страданиях младость протечёт, в чести и довольстве – старость.

Ведьма ещё что-то бубнила, но Вокша так ничего и не разобрал.

– Всё, облачай порты, – резко приказала. – Ступай отсель, оставь меня, мне одной надо быть.

4

Дважды просить не пришлось, юноша быстро оделся, выскочив из хижины. Порой оглядывался, пробежал десяток шагов и столкнулся со знакомым.

– Не должно столь благообразному отроку посещать ведьму. Искал тебя, хотел предостеречь от неверного шага, да не успел.

Старик сопровождал Вокшу и неустанно твердил ему о богомерзких творениях старухи, которая вмешивается в деяния Всевышнего и отвращает язычников от приобщения к основам и канонам истинной веры.

– Люди мрут от болезней – кара Господня, рождаются увечные – знамение Господа. Громом поражённые – пророчком Ильёй отмеченные за греховное падение своё.

Старик внезапно повернул подростка к себе лицом и поднял костлявый перст к небу.

– Ответствуй, отроче, что суть гром и что суть молния блистающая?

– Перун то грохочет и искры мечет. Перун, как бог, проливающий дожди и через то иссушающий тучи, пьёт из небесных ключей живительную влагу.

– Не то, всё бесовское вопияние. Гром есть оружие ангельское: ангел Господень дьявола гонит, а молния суть одежда архангела Нафанаила. И егда дождь идёт, тогда дьявол станет

пред дождём – да не грянет на землю, того ради ангел Господень гонит его. А убитый грозой человек очищается от своих грехов; ибо бывает невинною жертвою укрывшегося за ним дьявола. Неразумен ты, отрок, хотя и летами не мал. А всё потому, что бредёшь во тьме языческой, не ведаешь истинной веры, не слышишь слово Господне, изрекаемое единоверными слугами Его. Ступай за мной, я тебе покажу сих людей.

Старик подвёл юношу к большой брусняной⁴⁷ избе с покатою тесовой крышей и крестом на ней. Постройка была новой: от неё пахло смолой и другими ароматами свежеструганной древесины.

⁴⁷ Брусняная изба – избы в Др. Руси строили не только из бревна, но также из бревенчатого бруса.

Уже подходя к высокому строению, Вокша услышал неясный шум, исходивший изнутри. Старец открыл дверь и пропустил отрока вперёд. Сразу несколько десятков голосов замолкли, головы повернулись к вошедшим. В центре стоял довольно молодой человек в монашеском одеянии, он что-то говорил собравшимся, в его разговоре чувствовалась чужая речь:

– Итак, это было в 5541 году от Сотворения Мира⁴⁸. Христос, по обычаю, прежде чем приступить к своей проповеди, сорок дней и ночей постился в пустыне и преодолел там три искушения Сатаны. Затем Иисус исцелил множество бесноватых и расслабленных. Этим объясняется огромное скопление людей, которые следовали за Ним. Увидев сие, Христос взошёл с учениками на гору, чтобы Его все видели и слышали. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся».

И так продолжалось долго, пока не перечислились кроткие, алчущие, милостивые, сердцем чистые и прочие. Затем Он сообщил, что сказали древние и тут же противоречил им Своим словом: «Ещё слышали вы, что сказано древними: «Не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы

⁴⁸ Тридцать три года от Рождества Христова.

твой. А я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; Ни землёй, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город Великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным».

Ни Дажь-бог, Стрибог или Перун не властны над природой и силами её. Всем управляет Единый Бог, наш Господь-Создатель. Оттого у нас в земле ветры пошли – от святого духа Саваофа. От здыхания Господнего; оттого у нас в земле громы пошли – от глагол пошли Господних, – отчего у нас духи Божие? Духи Божие от устоев Его, самого царя, Христа небесного.

Ещё сравнительно долго говорил монах, но ни усталости, ни надоедливости не ощущалось. Явствовало через всё только одно – интерес и стремление слушать и далее. Вокша противу желания переступал ногами, подойдя ближе к амвону. И тогда священник его увидел, он сам пошёл навстречу подростку.

– Кто ты, отрок? Не думай, что спрашиваю из опасения, но из любопытства и участия. Мы все хотим знать о том, кто приходит к нам с добром. Ведь ты не хочешь обжечь нас злом или остудить равнодушием. Ты кивнул, значит, не желаешь нам бедствий и горя. Я паки и паки вопрошаю к тебе.

– Зовусь Вокшею, из селения Ратица. Пришёл с братьями и другом Пешком искать сестрицу Малинку и дядьёв, а тато и мамку печенег порешили на брани во время набега.

– Уж не Година ли сынок старший? – услышали люди чей-то осторожный голос. – Давненько не зрили очи мои.

Вокша сразу резво встрепенулся, весь подавшись вперёд. Он увидел крепко сбитого мужчину сорока лет с окладистой, кое-где посеребрённой бородой, на плечах дорогое корзно⁴⁹. Видно, что человек сей достатка немалого. А вот как звать-величать – неведомо, но он и сам не промах: раскрыл объятия. А тут и не выдержало сердце, намучившись, слеза сама дорогу сыскала. Опустив чело на почти мужскую грудь, Вокша разрыдался.

– Ну, ну, племяш, ну будет, не девка, чай, реветь не гоже. В миру зовусь Станилою, а здесь, средь братии, – Артемием.

– Уж не чаял тебя найти, дядько!

– А я, не чаявши узреть и не видевши, – сыскал...

– Разве не бывал в Ратице ни разу?

– Приезжал не однажды, но ты не родился ещё. То брат мой, Богдан, тебя на руках держал, да маловат ты был тогда.

Вокруг возбуждённые люди приветствовали радостными возгласами встречу двух родственников, нашедших друг друга через много лет. Все встали.

– «Люби ближнего твоего и ненавидь врага. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

Монах, произнеся сие от мудрости Христа, осенил встре-

⁴⁹ Пурпурный плащ с подбивкой из шёлка.

тившихся святым крестом. Половина людей вышли за порог, провожая старшего и младшего. Они же двинулись к Подолу.

– А где же братишки твои?

– В церкви святого Ильи. Там мы нашли постель и кров. Там нас приняли и обогрели монахи, а мы за то им купно помогаем чем можем.

– Славно то, за доброту воздать добром милосердно. Сходим за младшими, в избе всем места хватит.

Вокша благодарно пожал руку Станиле, и опять слеза безмолвно обожгла щеку. А в душе укрепилась уверенность в том, что со временем плохое и горькое сменится спокойным житьём в кругу родных. Найдётся сестра, выйдет замуж и станет жить самостоятельно. О себе Вокша почему-то не думал. А ежели и промыслил бы что: мал, вроде бы, не дорос до такого.

Всё сложилось как нельзя лучше. Ребятишек забрали из христианской общины, они несказанно обрадовались сему, был доволен и Пешок. Однако, идти на новое подворье отказался, сказал, что останется здесь по причине лучшего обустройства с монахами, да и вивлиофика⁵⁰ ближе.

«Камо без глагола истины, яко без света Господня, тако же без знания и чтения».

⁵⁰ Вивлиофика (греч.) – библиотека.

Глава шестая. Преддверие

1

Два жёлто-алых языка лизнули заднюю стену брусной избы. Дым, насыщенный копотью, поднялся над крышей, сопровождая огненные сполохи.

Из строения выбежал человек, что-то громко прокричал, несколько раз ударил в било. И почти тут же откуда-то появились люди с лопатами и кирками, они пытались засыпать огонь землёй. Некоторые бежали с вёдрами, иные – с ушатами, полными воды. Четверо дюжих мужиков вели под руки двух сопротивлявшихся, они воровато озирались по сторонам, их лица были перепачканы сажей. У одного волосы спереди, брови и ресницы опалены огнём.

– Вот они, худые людишки, поджог учинили, сокрытия искали, да от Господа не утаишься, ангелы всё доложат.

Привлечённые бедой, к горевшей избе сбежались жители города, кто, желая помочь, кто – просто поглазеть. Постепенно собралась толпа, которая окружила потухающее пожарище. Люди ожидающе взирали на христиан, поймавших своих обидчиков.

– Что хотите с ними делать? Не вздумайте тесноты учинить. Ответствовать придётся за содеянное, – грозно выкри-

кивал какой-то ремесленник, поглаживая волосатые руки.

– А вот сейчас узрите, что мы с ними сотворим.

Христиане начали избивать язычников кулаками.

– Братие! Ромейские соглядатаи грабили животы ваши, а теперь вознамерились уходить порядочных горожан.

– Не смей, кромешники, касаться их, – кричали угрожающе христианам из толпы.

Но те нимало не внимая гневным словам, продолжали правое дело. Поджигатели уже истошно взывали. Однако толпа не позволила завершить возмездие, набросившись на совершавших справедливое наказание, и на тех, которые только едва успели управиться после тушения пожара.

Вот она, воля случая! Был человек, повелевал и правил своими подданными, но поддался уговорам черни, пошёл им на уступку. Сломали повелителя смерды, а надломленное древо долго не живёт.

Воспитатель княжича сразу почувствовал угрозу от княгини. Несомненно, она попытается любыми средствами перехватить власть у сына. Все женщины обладают весьма изошрённым умом, который превращает их на время в ведущий и колдуниц. Нет силы более могущественной, чем женщина во всей её слабости. Она – высшая повелительница. Она является нам в самых разных обличьях и не гнушается никакими хитростями, чтобы найти путь к нашему сердцу; она мгновенно пронизает всё и вся, но терпеливо ждёт своего часа; она не отдаётся во власть страсти, как мужчина, но искусно управляет ею, как опытный наездник конём: если надо – натянет поводья, если можно – отпустит. Как для талантливого полководца нет неприступных крепостей, так для неё нет сердца, которое бы она не заполонила. Она играет молодостью и презирает старость. А Святослав ещё очень несведущ в дворцовых интригах, прямодушен и порой излишне доверчив.

Ольга потакает христианам, путается с беглым ромеем, нимало не смущаясь его ромейским постригом, внимает его

советам. А ведь он может оказаться императорским перебежчиком, возможно, и не монахом вовсе. Выгнали, мол, из страны, а на деле – послали с секретным поручением: охристианить Русь да подчинить Ромейской короне. Вот тогда и потекут «золотые реки» напрямиком в ихний Царьград.

Асмуд осторожно перешагнул порог княжеских хором. При жизни Игоря бывать тут приходилось чаще. А ныне он чувствовал себя не домочадцем, но слугою. Княгиня, видно, находилась в спальном покое, где обычно шуршала пером. За пергаменом Асмуд и застал Ольгу.

– Приветствую, госпожа моя Ольга!

– Проходи, холоп, – княгиня на секунду оторвала взгляд от чтения Плиния Старшего. – Что привело ко мне, Святослав послал?

– Да, повелительница. Пусть гнев Дажьбога падёт на головы проклятых древлян. Не миновать им достойной мести. Да поразит Перун их град и князя Мала, нашего супротивника!

– Пришёл поскорбеть со мною о смерти мужа? – Ольга, наконец, решила оторваться от изучения древности. – Так я уж все глаза повыплакала, все пальцы повыломала, твердя проклятия убийцам Игоревым. Рассудок мой теперь не требует опоры. Не желаю более и думать о том.

– Прослышали мы с сыном твоим, будто волхвы побывали здесь, предлагали тебе и жёнам достальным на добровольное закляние и костёр с трупом мужа.

– То правда, так Святославу и поведаеть.

Ольга заметила, сколь алчно блеснули глаза кормильца сыновьяго и поняла, зачем пожаловал этот соглядатай.

– Если его интересуют условия передачи власти, пусть явится ко мне сам. С прислужниками я ничего не обсуждаю.

Асмуд почти тотчас же покинул покои. Ольга бичевала себя за подобное унижение княжеской чести, однако сделать ничего не могла. Это был доверенный человек её сына, с которым княгине ещё приходилось считаться. Вызванный ранее Вышата явился к Ольге с докладом. Она придирчиво посмотрела на молоджавое лицо боярина, но одутловатость уже коснулась его. Княгиня недовольно поморщилась: не любила она старческого в приближённых.

– Прибывшие посланники Оттона I твердят о какой-то миссии на Русь для устройства митрополии или хотя бы архиепископии в Киеве. И якобы какого-то Либуция направят к нам епископом.

– Я нечто слышала о подобном, но позже разберусь.

Ольга и не думала показывать боярину своё полное неведение о сообщении, но и заниматься этим пока не хотелось. Даже будучи христианкой, такое не стоило делать на виду большого количества язычников, а тут даже не крещена... Святослав враз, почуяв силу, народным гневом вскормленную, власть перехватит. И забудут об опальной княгине.

– Проводи-ка меня к церкви Святого Ильи.

Глаза Вышаты испуганно выкатились из орбит, руки от-

чуждённо всплеснули несколько раз.

– Чур меня, да что с тобой, княгинюшка? Не надлежало бы тебе ходить по христианским пристанищам: боги не приемлют.

– А и то правда! Пришли тогда ко мне монаха тамошнего, Григория, потребно свиток возвернуть ему, да и новый испросить не мешает...

Ольга взглянула в оторопелые глаза боярина, и ей стало даже немного жаль его.

– Ты, чай, неграмотен, вот и не разумеешь сути. А посему и объяснять тебе это, что свинье про яблоки толковать. Выполний вборзе, а не то прогневаюсь и откажу в милости.

В ожидании время червем ползёт. Княгиня уже желала скорейшего крещения.

«И почему это так надобно ехать в далёкий Царьград? Ежели есть надежда с помощью веры греческой найти поддержку у христиан Руси, то совсем необязательно, верно, совершать длительное и опасное путешествие. А вдруг эта помощь только кажущаяся? Наверняка Святослав обладает большей воинской силой. И уж конечно он не замедлит воспользоваться своим могуществом. Интересно, что может посоветовать монах? Уж скорее бы пролетало это тягучее время!»

Ольга повернулась спиною к входу и задумчиво глядела сквозь окно на внешний мир, который расстился перед нею во всём своём многообразии и великолепии.

Она просто интуитивно почувствовала его появление. А он, будто языческий идол, стоял, опустив руки долу, и внимательно смотрел в упрямый затылок своей повелительницы и попечительницы. Действительно, сделала она для него неизмеримо много, а сделать предстояло ещё больше и не для него одного.

Наконец она повернулась, их глаза встретились.

– Обряд крещения принять желаю здесь, – произнесла недругнувшим голосом, намекая на твёрдость решения.

Григорий выдержал этот взгляд. Видно было, что внутри сильного человека идёт страшная борьба двух противоположностей. Кто одержит верх?

– Приемлемо было бы для удельной княгини, да и для тебя, коль не желаешь своего единовластия в Киеве. Что ж, правильно, пусть сын правит государством, он молод, храбр, задорист. Правда, христиан не приемлет, готов в одночасье всех порешить, вырвать с корнем ромейскую заразу. А ты утешь, остуди его горячность и жестокость смягчи.

– Хватит вздор молоть, язык, что помело... Не пристало слушать сие от тебя, желаю, чтобы мудрое сказал, для того и держу здесь.

Кровь прильнула к лицу Григория, ноздри гневно раздулись.

– А я советы не за звонкую монету раздаю, а так – кому по дружбе, за доброту, а кому – и по уму его... убогому.

– Меня за дуру считаешь?! Холоп!

Глаза Ольги по-звериному округлились, сделавшись хищными.

– Ты, верно, и в домовине не кончишь прекословить.

– Смирение выказываю, прошу снисхождения за нечаянно сказанную правду.

Она уже и сама была не рада, что раззадорила монаха. Умён и всеведущ зело, хотя и молод, а главное – не забыл ещё законы и порядки отчизны.

Григорий быстро осел, оказался на коленях, прикоснувшись губами к ладони, унизированной перстнями, но так же быстро и поднялся.

– Тебе самой надо власть иметь, а не делить её с кем бы то ни было. Ума в тебе достанет на десяток грамотных мужей, а вот рати воинской недостаточно, да и богатства более потребуется. Всё это можно получить только в Новом Риме.

– Кто же даст мне в таком количестве, за какие заслуги? Да и будет ли ваш Роман создавать себе погибель своими руками?

– Мы вынудим его к этому, – твёрдо заявил Григорий и выложил Ольге плод своих многодневных раздумий.

Она выслушала его с пониманием и почтением, хотя и с некоторым недоверием... Не всё поведенное приняла искренне. Не могла поверить, будто император Роман I Лакапин был не благородных кровей, а стал правителем, поднявшись из командующего флотом императора Константина. Но лишь после того, как Роман отдал свою дочь Елену в жёны четырнадцатилетнему императору, который являлся внебрачным ребёнком, начался постепенный взлёт будущего монарха. В конце своего подъёма Роман Лакапин

по сути дела перехватил у юного Константина Порфирогенета бразды правления империей на предстоящую четверть века. Он обнаружил большие организаторские способности и умение путём искусных компромиссов добиваться главной цели. Удивительным было и то, что Лакапин так и остался полуграмотным. Не раз доводилось слышать о фактах почти абсолютного неведения в самых элементарных вопросах политики и экономики. Но дворцовые интриги всегда были у Романа на острие мысли.

– Да, в этом ты прав. Я не считаю себя умнее его.

– Чувствуется истинно христианская душа. Кстати, – Григорий вдруг замолк, словно переводя дух. – Не далее утра толпа язычников избивала людей христианской общины и чуть было не спалила их молельню.

Монах подробно описал случившееся, глаза его пылали гневом, с языка, однако, не сорвалось слово бранное, оскверняющее сан. Он, будто не говорил, а призывал.

– Не гоже поступили, – глухо выдавила Ольга, она словно просила тем прощение за деяния нехристей.

– Быстрее входи в нашу веру, всенародно объяви о том, тогда и смерды забудут идолопоклонство, перестанут преследовать и избивать христиан.

– Это правда, я подчинюсь требованию, – смущённо улыбнулась княгиня, – в самое ближайшее время.

Григорий ушёл и оставил её наедине с мыслями. Ольга думала о предстоящей поездке в Царьград. Требовалось по-

добрать людей, способных выполнить важную миссию. И самое главное – правильно, с хитринкой, и, не вызвав недовольства хозяев, уйти, как истинные посольщики, с подарками. И пусть тогда одураченные думают о простоте скифов, их недомыслии и скудоумии, а победители будут считать полученные богатства.

Немаловажным в посольском деле является вооружение сопровождающей дружины, снаряжение её, провиант и многое другое. А кто же возглавит столь важный посольский поезд? Разумеется, она! И всё-таки нужен опытный помощник, который знает кратчайший путь, язык, обычаи и законы той страны, куда они отправляются. Вот только кто станет таким помощником?

4

Родом боярин Тугар был из вятших⁵¹, жил на видном месте. Усадьбу с теремом, садом и надворными постройками выстроил ещё покойный предок по прозвищу Волк. За высоким частоколом преумножалось и крепло благосостояние боярское. Что ветшало и приходило со временем в негодность, немедленно менялось и обновлялось; молодое приходило на смену старому.

Тугар на сей день был последним из старинного рода. Но вышло так, что оказался самым дальновидным. Ещё его батюшка, не однажды бывавший на Заходе и в Полуденных странах, говаривал о вере в единого Бога. Только Христос принесёт людям духовную чистоту, благоденствие и истинную радость во всём. Так воспитывал и сына. И тот быстро воспринял отцовские наставления. С убеждённою и рвением вдохновлённого священным именем Сына Божия Тугар изучил латынь и греческий. В этом большую помощь ему оказали торговые визиты. За это его и осуждали прочие именитые бояре, которые сидели сиднями в своих вотчинах и считали зазорным ездить куда-либо.

Тугар не единожды наезжал в Царьград. Ромеи нарочито подсылали к русским гостям искусных толковников, которые объясняли язычникам основные догматы греческой ве-

⁵¹ Вятший – знатный, родовитый.

ры, показывали им храмы и священные сокровища. Постепенно Тугар понял преимущества христианства над язычеством. А когда вознамерился принять крещение, исполнил задуманное в один из приездов в Ромейскую столицу. Утешался тем, что батюшка, живши, одобрил бы сей поступок непременно.

Встав ныне пораньше, Тугар самолично прошёл по подворью, заглянул во все клетки и закутья, проверил всё ли в порядке, как трудится каждый холоп или закуп. После пошёл в сад и любовался ароматным туманом цветков яблонь, груш да вишен. В воздухе витали пряные запахи, щекотали ноздри. Насекомые роились чёрными гудевшими тучками среди ветвей, опыляя раскрывшиеся бутоны. Сбросив сапоги с онучами, распластался на спине под раскидистой яблоней, но не спал, будто дремал, охваченный сладкой истомой, а после просто взирал на небесную синь и облака.

Богатая карета остановилась, тряхнув последний раз на очередной колдобине.

Ольга вышла и оперлась на услужливо поданные руки княжеских отроков. Она прошла немного вперёд, разминая затёкшие ноги. Слуги уже опередили её, двинувшись перед госпожой и позади неё, в сторону боярской усадьбы. В глубине, за мощными укреплениями, стояли хоромы в затейливых украшениях, с оконцами из заморских разноцветных стекляшек. Подле боярских дворин⁵² теснились клетки для холопов и прочей челяди, а чуть поодаль и напротив – скотный двор, птичник, там же конюшня. Ольга продолжала рассматривать усадьбу подданного. Внезапно из какой-то постройки, напоминавшей поварню, появилась молодая особа, однако не похожая на холопку или прислужницу. Она весьма независимо прошла по двору, поднявшись по лестнице в светлицу, но тут же спустилась обратно и направилась в сторону сада.

Княгиня успела разглядеть эту странную незнакомку. Росту она была среднего, даже чуть ниже, стройная, из-под сарафана виднелись полноватые ноги с кривизною. Небольшая грудь подчёркивала гордую осанку и ширину бёдер наравне с покатыми плечами. На правом угадывалось родимое пятно

⁵² Дворины (древнерус.) – большие бревенчатые постройки, использовались для жилья знатью.

с крупную горошину.

Ольга всё ещё ожидала увидеть самого хозяина, однако он где-то задерживался или вообще отсутствовал. Она уже хотела послать кого-либо из отроков, но всё же стояла и следила глазами хотя бы кого-нибудь, способного дать вразумительный ответ на беспокоившие вопросы.

И снова молодуха появилась из постройки, теперь уже на ходу смачно откусывала мочёное яблоко.

– Послушай, красавица, – обратилась княгиня, готовясь сказать.

«А ведь и вправду красивая. Личико маленькое, женственное, кожа белая, чистая, с румянцем. Глаза большие, серые, будто с бархатным отливом, разделены аккуратным носом с приятной горбинкой. Волос пышный, светло-русой шапкой охватил благообразное чело. Право слово, хороша! Но не девка – баба».

– Не ведаешь ли, часом, где найти хозяина здешнего?

– Как не знать, – незнакомка презрительно скривила безгубый рот и ещё шире раскрыла длинные ресницы. – Здесь он, отдыхает в саду после трапезы.

– А кто же ты будешь такая?

– Я из ненарочитой⁵³ купецкой семьи, а боярину невестой довожусь после недавней помолвки, гощу тут перед обручением, зовусь Забавою, – хохотнула баба, приставив узкую ладонь с тонкими пальцами к губам, словно скрывала ими ров-

⁵³ Небогатый, незнатный.

ные зубы.

– Воистину Забава и есть, – иронично заметила Ольга. – Так ты, милая, позови боярина, скажи – княгиня требует.

Забава вся зарделась, охнула и исчезла за калиткой.

Ольга обернулась, когда почувствовала чей-то взгляд. Рядом стоял один из ближайших княжеских отроков. Он обхватил широкий пояс руками и весьма молодцевато поставил ногу на приступок кареты. Наконец Забава вернулась, вздрившись на слугу. Он уловил чудный очерк лица, вспышку румянца на щеках, томный огненный взгляд и похотливо приоткрытые губы.

Княгиня перехватила взор. Женским чутьём поняла – обыкновенная потаскушка.

«Неужто и вправду боярин решил связать свою жизнь со шлюхой».

– Сейчас господин будет, государыня, – известила Забава и склонилась в земном уважительном поклоне.

И почти тут же, с шедшей позади челядью, показался Тугар. Был он ещё весьма свеж лицом, хотя уж за сорок перевалило и волос чуть посеребрён.

– Не вели казнить, государыня наша Ольга. Помилуй меня, своего слугу, молвить глупое слово.

– Молви умное, а за глупое скажу тебе дурака.

– Не ведал о приезде и не помышлял, что понадобится. Прощу, госпожа наша, в хоромы мои, как говорится, за столом и беседы приятнее.

Хозяин и гостя поднялись наверх, пройдя сенник и среднюю избу. Когда вошли в столовую, Ольга увидела накрытую столешницу. Предупредительность, хлебосољство боярина и изобилие яств приятно поразили её. Она обернулась и одарила благодарственной улыбкой. Тугар хитро усмехнулся, щекоча пальцами седоватую бородку. Он уже давно догадался, что княгиня пожаловала по важному государственному делу – иного и быть не могло.

Ещё при жизни своей Игорь не раз наезжал сюда, когда бывала нужда в посольских или иных чужеземных делах. Неужто и на сей раз то же самое? Тогда зачем же эти скрытность и загадочность? Раньше всё делалось вполне очевидно, при посредничестве княжеских слуг, когда тот или иной подданный просто вызывался к князю, ожидая похвалы или наказания. Но здесь совсем не то, что-то замыслила княгиня...

Глава седьмая. Семья

1

За высоким забором открылся широкий двор с разными хозяйственными постройками. Вдали белым пятном медленно шествовали гуси, неподалёку копошились куры, тут же загон для отары овец.

Молодая женщина встретила детей возле лестницы, которая вела в верхние покои хоромины.

– Да откуда же такие? – причитающее осведомилась она и жалостливо осматривала мальчиков.

– Гоудиновы сыновья, помнишь, чай? – ответил Станило.

– Как же не помнить. А родители где? – Любана участливо наклонилась к детям, поглаживая их немые головки.

– Ты бы лучше приказала баньку истопить, – укоризненно посоветовал Станило жене.

– А и то правда, – всплеснула руками Любана, скрывшись наверху.

И снова туманной влагой скрыло свет, всё исчезло, как в воде. Вокша стеснительно отвернулся.

– Мать, небось, вспомнил, – сочувственно произнёс Станило. – Ну, будь мужиком. Годин тоже не одобрил бы слабости.

Вокша сразу как-то поднялся, смахнув слёзы.

Станило подтолкнул племянников наверх. Они поднялись, встретившись с другим мужчиной, очень похожим на хозяина дома, такие же каштановые глаза и русые волосы.

– Ты сюда зачем? – грозно нахмурил брови Станило и сразу же повёл оторопевшего гостя в другую горницу.

Вокше слышался наполовину приглушённый диалог, в котором главенствующая роль оставалась за хозяином. Он выговаривал насчёт неуплаченного долга, пропавших товаров и ещё чего-то непонятного. Пришедший мужчина оправдывался, но слова его были нелепы и маловыразительны, хотя в них чувствовалось отчаяние и давящая обречённость неудачника. В конце несколько фраз о религии были изжёваны и брошены неизвестно кому.

Мальцы испуганно жались к Вокше, а он рассматривал то, что заинтересовало его больше всего. На столе, подле самого окна, стояли две глиняные вазы, которые лишь на первый взгляд походили друг на друга. Необычный орнамент покрывал нижние части обеих.

Станило вышел из соседней горницы, позади гость.

– Что это? – спросил Вокша, показывая на магические знаки.

– Ещё мой дед купил где-то у соседей на Заходе. Там же вот и этот кувшин.

Он был тоже в средней части испещрён такими же значками, только немного отличавшимися от тех, что на вазах.

– Это не узоры, говорили, будто какой-то языческий календарь. А ты, племяш, вижу, любознателен, зело похвально сие. Это мне радостная заметка.

В это время пришедшая Любана отвела мальчиков в баню, где хорошенько отмыла их золой, квасом и отпарила берёзовыми вениками. После она передела их в новое чистое бельё, но старые тряпки Вокша забрал в мешок и вызвал тем удивление тётки, которая часто, всплакнув, гладила головки младшим, будто прощалась с ними или извинялась за что.

Вернувшись в хоромы, мальчики были представлены их дядьке Богдану. К нему они и должны отправиться жить временно сразу после вечера, потому что Станило и Любана поутру уезжают по торговым делам.

– Прости уж, что сразу не сказал об этом, – доверительно сообщил Вокше. – Думал завтра отвести вас к брату, а он сам явился. Но как только вернёмся из поездки, живенько заберём вас назад.

Станило на прощанье поцеловал племянников, а Любана обильно оросила их раздумяившиеся личики горячими бабьими слезами.

Уже провожая родственников к своему жилью, Богдан сообщил Вокше, что Станило обязал его, младшего брата, взять к себе племянников. Словоохотливый дядюшка поведал также, что старший брат – богатый и опытный купец, недавно принявший христианство, детей не имеет, а какие были – умерли.

- А ты, дядько? – заинтересованно осведомился Вокша.
- Что я? Детишек у меня трое, все мальчики.
- Хорошо, братишки будут. А ты, часом, не христианин?
- Что ты, что ты, – замахал руками Богдан. – Не равно

Перун услышит, спалит всё добро.

Войдя во двор, а затем в избу, где на пришедших смотрели три пары изголодавшихся глаз, сразу стало понятно, что достаток здесь не частый посетитель. Трое мальчиков примерно одного возраста лежали на печи. Возле столешницы хлопотала молодая женщина, разливая по мискам жидковатую уху из сомьих голов, заправленную ядрицей. На глиняной миске высилась горка ржаного, ноздреватого и духовитого хлеба.

Богдан поторопил племянников вперёд, к столу. За ужином сидели молча. И лишь позже, когда все улеглись спать по разным углам под мирное стрекотанье сверчка и мышиную возню, Богдан всё объяснил Горяне. Та понимающе вздохнула и сонно зевнула

Так и началась новая жизнь. Всё-таки обиделся Вокша на Станилу, хотя особо осуждать было не за что, как и хвалить. Жалел, что дядька побогаче не дал гривен брату на содержание племянников.

Понравился Богдан, хотя и бедно у него. И как-то решил предложить ему посильную помощь. Тот живо сообразил, что не лишним будет использовать подвернувшиеся руки.

Вокша снова начал ходить на реку, брал с собою и бра-

тьев, приучая их к нужному и терпеливому делу. Теперь их стол стал обильнее, хотя в нём преобладала рыба. Излишки её удавалось выгодно продавать.

2

Мальцы сидели на краю обрыва, зорко наблюдая за белыми точками, которые плавно перекатывались в зеленоватой волне, реку слегка рябило. Вокша стоял чуть поодаль, в низине, правее камыша, зайдя по колено в воду. Но после пристроил удилище на палках, а сам вышел на песок. Чья-то тень легла на согнувшуюся фигуру подростка. Он поднял голову и посмотрел вверх.

– Здравствуй, дедушка!

– Будь здоров, отрок. Давно тебя ищу, вот и свиделись.

– Дело какое ко мне или просто в собеседнике нужда появилась?

– Артемий наказал научить тебя всему, что знаю

– А много ли ведаешь, дедушка? – Вокша поднял голову, глядя в глаза старика, и шаловливо улыбался.

– Озорство зрю в очах, но не в обиде, ибо не ум верховодит, а глупость и недомыслие молодое. Когда постигнешь Бога, узришь веру истинную, тогда обретёшь много ценного в жизни.

– Скажи, мудрый, а какой он ваш Бог? Зверь это или человек, или какое-то благообразное существо?

– Он может принять любой облик. Один раз явился под видом оленя. Над рогами Его показался святой крест, светящийся на солнце, и между рогами – образ Святого тела Хри-

стова. И дал Бог человеческий голос оленю, который сказал: «Я Иисус Христос, которого ты считаешь, не ведая».

– А ты, дедушка, видел Его? – спросил Вокша, но тут же разочарованно усмехнулся. – Никто Его не видел, а Он видит всё и всех, потому что всемогущ и несть числа Его возможностям, которые зиждятся на уме и желании. А могут люди уподобиться богам или одному Ему?

– Творил Бог не так, как люди, возводившие здания, или медники, или золотых дел мастера, или ткачи шерсти, или кожевники. Те создают свои изделия, какие им нужно, по готовым образцам, запасаясь материалом и беря орудия труда друг у друга. Богу же достаточно что-то помыслить, чтобы сотворить, чего прежде не бывало. Ибо Богу для созидания ничего не нужно, а человеческие искусства нуждаются друг в друге. Другим созидателям нужен материал, орудие, труд, умение, а Богу – Его воля.

– Ты воистину много знаешь, дедушка. Как величать тебя?

– Веденеем все так и кличут, ибо знаниями Господь сподобил.

Старик опустил на песок и начал что-то старательно вычерчивать концом ветки. Вокша с интересом присмотрелся, узнав уже известные буквы, которым его обучал Пешок. Веденей начертал своё имя.

– Хочешь, научу тебя письменам сиим?

Юноша, не задумываясь, взял у старика ветку и рядом изобразил своё имя, а чуть далее по-гречески написал имя

Христа. Веденей изумлённо посмотрел на Вокшу.

– Значит, ты – Вокша, и письмо тебе известно.

– Да, дедушка, но от учёбы твоей я не отказываюсь, ибо немыслимо познать всё самостоятельно.

– Кто же учил тебя этому?

Вокша чистосердечно рассказал о Пешке и где он живёт. Веденей знал мальчика, не раз беседовал с ним и постоянно поражался его способностям, знаниям, отзывчивости и доброте. Ему было приятно, что Григорий лично вызвался быть наставником столь умного отрока.

Отныне при каждой возможности Вокша встречался с Веденеем и совершенствовался в письме, языке греческом, осваивал счётную науку и кое-что из Эвклидовых начал.

3

За ужином Вокша узнал от Богдана, что завтра во многих дворах пойдут на жатву.

Горяна вынула завёрнутую в чистую тряпицу ковригу житного. Приятным запахом хлебной кислинки дохнуло от стола, когда глава семьи отрезал горбушку и отложил её в сторону, под тряпицу.

Ели печёную рыбу и запивали её молоком. После еды Богдан аккуратно приложил горбушку к караваю и шёпотом поблагодарил Род и Роженицу за трапезу, жена и дети вполголоса повторили благодарение богам.

Перед сном Горяна доверительно шептала мужу, что соседка Милана пойдёт совершать обряд.

– Мне тоже надо бы сходить, пусть и на нашем поле снопы три раза ставит.

Богдан одобрил желание жены и высказал решение хоть тайком глянуть на действия соседки.

– Не стоит тебе туда ходить. Не следует пугать Фрею.

Настояла – таки, сдался муж.

По народному убеждению от Фреи или Сивы зависят обильные роды земли, её молили об отвращении засух, проливных дождей, прочего страшного ненастья и неурожаев; в дар ей приносили земные плоды.

Старая Милана не зря славилась лёгкой рукой. Как только

стемнело, старушка вышла на поле и начала жать рожь; связывала снопы и до трёх раз то клала, то ставила его на землю, причитывая: «Фрея, матушка! Помоги нам, мне и сыну моему, Милюте, без скорби и болезней закончить жатву; будь нам заступница». Затем, взявши снопы, она старалась пройти до двора никем не замеченною.

Горяна осторожно окликнула старушку и предложила ей двух крупных сомят, выловленных совсем недавно. Поначалу Милана категорически отказывалась, но после всё-таки согласилась помочь соседям.

Вокша наблюдал всё из-за плетня и неслышно двинулся за женщинами. Снова он видел и слышал тот же обряд. Но уже, не желая рисковать быть обнаруженным, быстро проскользнул обратно в избу и споткнулся в темноте о лохань с водой, которую Горяна оставила до утренней зари, потому что убоялась вреда детям. Вокша подошёл к окну, минув стол с лежавшим на нём ножом, но внезапно вспомнил настояния старца Веденя: «Не гляди в окно до утренней зари – грешно; не оставляй на ночь нож на столе – лукавый зарежет». Пройдя назад, прикрыл нож тряпицею и подтянул её на кринку с молоком, чтобы Нечистый туда не нагадил. Вокша испил водицы из кадки, закрыл её плотнее и немедленно забрался на полати. Но не успел и глаз сомкнуть, как услышал осторожное возвращение Горяны, а через некоторое время всё стихло. Изба спала.

Ещё раньше городских петухов проснулась окраина, готовясь к жатве. Почти в каждом дворе были свои жнецы и сноповязальщики. А где рабочих рук не хватало, кто-либо обязательно предлагал помощь по соседству.

Взошедшее солнце коснулось остриём луча кромки деревьев. Один из солнечных зайчиков лихо вскочил на изваяние Волосова (Велеса) кумира, который в то время стоял в Киеве, но не на Горе, а на Подоле. К кумиру по праздникам и в будние дни тянулись люди в основном простого звания – земледельцы, торговцы, ремесленники. Это было и не удивительно – Велес покровительствовал не только скотоводам, но и отчасти купцам, пахарям, а также считался покровителем музыки и песен. Это возмущало киевскую знать, которой казалось оскорбительным наличие идола «пастушьего и плебейского» бога в аристократическом районе города. Ведь поклонение Волосу фактически приравнивало обитателей Горы к жителям Подола. Лучше бы этот идол стоял на Старокиевской горе и не привлекал простолюдыне к городским улицам, населённым местными богачами.

Дети ещё спали. Вокша почти в полудрёме почувствовал неясный призыв: встать. Не хотелось, но прошли мгновения, всё опять повторилось. Всё же покинул полати и оказался во дворе. И сразу увидел хлопотавших по хозяйству Богда-

на и Горяну. Последняя готовила завтрак подле гудевшего в очаге огня. Богдан просматривал и приводил в порядок затупившиеся орудия жатвы. Вокша поздоровался и предложил свою помощь. Дядька не колеблясь принял её. Богдан встал, держа в руках косовище за две подвижные рукоятки, и передвинул их на необходимую высоту. После развернул плечо, примеряясь к предстоящей работе, и поймал на себе оценивающий взгляд племянника.

– Косить-то умеешь? – спросил вдруг Богдан Вокшу.

Последний кивком головы подтвердил подозрение.

– А клинок иступившийся точил ли?

– Нет, не доводилось, тятка сам на бабке отбивал.

– Тогда смотри, выюношь.

Торопливо достал острый молоточек и, примостившись подле маленькой наковаленки, начал отбивать жало косы, но делал это лишь бы показать племяннику.

Поднявшаяся детвора шумно позавтракала и уже через некоторое время сопровождала взрослых на жатву. Из ближних домов выходили люди, они приветствовали Богдана и Горяну, желали им обильного урожая и всего наилучшего. Хозяева благодарили соседей и знакомых. По дороге лился гудящий человеческий поток, он постепенно редел расходящимися по полям людьми.

За работу принялись сразу, Богдан с Вокшей косили. Только последний обходил косогоры и прочие неровности. Дядька подправлял сам, но шёл наравне с племянником. Его

плечистая и загорелая спина монотонно двигалась в такт со взмахом рук. Следом шли дети, они подбирали срезанные стебли жита, а Горяна вязала и ставила снопы. Вокша уже основательно подзабыл косарное ремесло. Поэтому быстро натрудил руки, насадил поясницу и плечи и не работал, а мучился. Так продолжалось до полудня, но после полдника словно обрёл второе дыхание. Вернулась наконец сноровка!

Только теперь вдруг увидел поодаль работавших соседей. У них косили тоже двое, но и снопили двое. Рядом с пожилой женщиной работала молодайка. Споро шло дело. Вокша силился определить – баба то или девка: уж очень молодо выглядела.

Приближалось время обеда. Шустрые мальцы загодя надёргали колючих и осклизлых ершей да немного карасей, приготовили двойную уху. Тем временем Богдан и Вокша кончили косьбу и уселись под сенью орешника. Вот тут-то Вокша и разглядел как следует соседку, которая ещё продолжала трудиться, несмотря на палящие лучи знойного солнца.

– Баба и есть, – подтвердила подозрение племянника Горяна. – Любава это, племянница Евфимия.

– Похоже, греческой веры он? – любопытствовал Вокша.

– Да, – вмешался Богдан, принимая от жены кусок хлеба и миску с наваристым хлёбовом. – В миру Нелюбом зовут, крещёный и есть.

– Жили здесь два брата – Мизгирь и Нелюб, – продолжила повествование тётушка. – Откуда они пришли – неведомо. Только открыли тут бойкую торговлю, товара у них всегда имелось в изобилии. Работали конечно в поте лица, за что и привечали их в народе. А ещё нищим да бедным не отка-

зывали, и удача их не сторонила. Мизгирь вскоре женился, а Нелюб исчез. Долго он где-то пропадал. У брата уж дочь родилась, подросла да заневестилась. И жених подвернулся ладный. Вено заплатил богатое. Как и положено, увёз Любаву в лес, к заветному дубу, объехал его три раза, а после пированье устроили. Угощенье всем предлагали, не скупилась, даже прохожих и странников оделяли. Но, видать, таил Мизгирь что-то страшное. А тут сразу после свадьбы монах незнамый невесть откуда, а может, и нарочно явился. Побыл недолго, с день, с зарёю ушёл. Согрубил ли Мизгирь перед ним, только стали люди примечать, будто хиреет он день ото дня всё более. Думали, уж сглазил кто. Зазвали доку⁵⁴, чтобы отвратить порчу, тот померекал, да так ничего не получилось. А когда стал больной помирать, то супружнице наказ дал, что ежели явится брат, пусть примет веру греческую, а тогда женится на овдовевшей. И та вкупе с дочкой и зятем окрестятся. Так всё и случилось. Токмо пришёл Нелюб, то сразу на Мизгирёвой бабе женился, после все крещение приняли, тут и дитя заодно, которое Любава родила. Прошло так года три, сын Любавы уж всю гуторил. Заболел мальчонка: стень – сухотка прилипла. Пригласили знахаря, по его совету понесли дитя в лес и положили в промежуток раздвоенного дерева на сутки, сорочку на ветвь повесили. Целый день мать с отцом и бабкой следили за муками ребя-

⁵⁴ Дока – особливо на деревне человек тот видный. Всякие порчи от ведьм и злых колдунов исправить может. (Владимир Даль).

тёнка, дольше не вытерпели. Вынули его из места окаянного и обошли вокруг дерева трижды девять раз. Принесли домой, собрали воду из болота, озера, реки и колодца, стали купать в ней, а дитя кричит. Отец с матерью от жалости горюют.

Стали обсыпать золою из семи печей, мальчик совсем криком изошёл. Призвали знахаря, а тот говорит, будто для ребёнка верная смертушка грядёт. Отец с горя чуть умом не двинулся, но разъярился так, что хватил знахаря по голове чем попадая, тот в одночасье и помре. А после и убивец повесился. И только произошло это, стали после золы мальчика купать, а он возьми да засни. И ведь выздоровел! Мужика сразу земле предали, да и знахаря сжигать не стали. Вот так и оказалась Любава вдовицею. Евфимия тяткою и не кличет, когда по имени, когда дядюшкой, а он её – дочкою. И, может, горя обилие тут повинно, только стала будто Любава с мужиками тайно гулять.

– Оно и понятно, – снова вмешался Богдан. – Баба молодая, мужика познала, а тут внезапно без должного внимания осталась. А красивой бабе без догляда ну никак не можно. Она, как молоко без прохлады, зело портится быстро. А Любава и раньше до мужика шибко баска была. Глазищи зелёные поставит, токмо бровью поведёт, а его ажно в дрожь бросает, хороша, слова не иму.

– Да будет тебе потаскуху-то расписывать, – остепенила Горяна. – Срамно ведь, не выюношь, поди, семеро по лавкам, а он туда же – юбку разрисовывать, будто девку крас-

ную. Все вы, аки кобели блудливые, до сучки похотливой. Иди, на жатву пора, все уж снова в работе.

Поднялись скоро и опять принялись за дело. Рассказ родственников запал Вокше в душу. Теперь он ежели и думал чём-либо, постоянно возвращался мыслями к Любаве. И виделась она ему часто. Только он глаза прикроет, а она уж тут, перед ним стоит и зовёт, белой ручкой манит.

Глава восьмая. Накануне

1

Княгиня с сожалением покинула гостеприимный дом боярина: глянулся ей хлебосольный хозяин. А он с некоторым страхом и скрытой радостью провожал нежданную гостью. Потревожила – таки, возмутила притихший омут. Застоялась тишина на подворье, вольготно ей тут было разгуляться. Взашей прогнали.

С утра прислуга и челядь почувствовали, что появление правительницы резко изменит их спокойное житьё.

Приехавшая колымага устало скрипнула плохо смазанными осями. На землю ступила нога, обутая в сафьяновый сапог. Пальцы с нанизанными на них перстнями схватились за докладчик⁵⁵ и призывно ударили несколько раз, но поблизости никого не оказалось. Тугар находился на заднем дворе. Кто-то из слуг прибывшего приналёг на верёю⁵⁶, другой громко стучал кулаком по доскам. Наконец один из холопов боярина услышал сигналы посетителей. Сразу доложили хозяину дома. Он сам вышел встречать гостей. Боярин Седе-

⁵⁵ Докладчик (архаизм) – кольцо на воротах.

⁵⁶ Верёя – столб для ворот.

слав представлял ближайшее окружение княгини. Несмотря на тепло одел епанчу, на голове – горлатная шапка. Пот ручьём тёк по лицу.

– Милости прошу, гости дорогие! – громко возвестил Тугар, приглашая боярина в дом, и сразу отдавал приказы подбежавшим слугам.

Седеслав вошёл, поднялся до сеней с холопом, а в горницу ступил один. И сразу испросил холодного квасу. Тугар распорядился, а тем временем усадил боярина за стол. Тот от угощения отказался, но когда ему принесли почти полную братину охлаждённого питья с мёдом, пил с наслаждением, под конец крикнул, вытерев бороду и усы.

Хозяин дома, не мешкая, расспросил гостя о цели приезда. Седеслав поведал, что почти сразу после возвращения от Тугара, Ольга повелела подготовить с десятков судов для отплытия в Ромейскую державу.

– Часть лодей и стругов на плаву, а иные ещё в довершении. Так что велено проследить за доделками, спустить на воду и все остальные, как и должно.

– А как же провиант, питьё, снаряжение, охранная дружина?

– О первых трёх – моя забота, – недовольно произнёс Седеслав, – а что касается последнего, то будь добр поставить в надлежащем виде. Ольга сказала, будто ты в этом способен более всякого.

Седеслав с Тугаром ещё некоторое время обсуждали

и оговаривали все тонкости подготовки посольского поезда.

2

Ольга желала своего отъезда и боялась его. Может, в самом деле остаться в Киеве и принять христианство здесь? Уж слишком много опасностей в пути. Княгиня нервно расхаживала по спальному покою в волнении то прижимала руки к груди, то опускала их долу или убирала за спину. Они мешали ей. Нет, так не гоже изводить себя. Сесть надо! Ольга тут же уселась в кресло подобное трону. У конунгов на Заходе такие же. Да, так намного удобнее.

Сразу явилась Гостья.

«Что же ты скажешь сыну, когда придётся сообщить об отъезде? А сделать это необходимо».

Да, несомненно. Ольга решила: если она сможет хоть как-то пояснить свою поездку в Царьград, – она едет. А ежели в голову ничего не придёт, крестится в Киеве. Может, так действительно будет лучше. Глядя на обряд правительницы, ещё больше людей приобщатся к истинной вере. И опять сомнения потрясли её чело, изводя своими доводами.

«Ой, смотри, княгиня, как бы это киевское крещение божком тебе не вышло. Как взвоют капищные деды, да возмутят языческое большинство города, а те ринутся на церкви да молельни, а после – на христианский люд да зачнут избивать его, – море крови будет на Киеве. Не гоже так, Ольга, не гоже!»

– Сама знаю, что нельзя. Надо в Византий ехать, только там должно государям крещение принимать, там и помощь истинная последует.

Сидя, Ольга повернулась на другой бок, но ничего в голову не шло. Уже отчаяние приготовилось бить в колокола и призвать на помощь всю силу человеческого разума.

– Ну что же я за баба такая безмозглая? Впору хоть зареветь осталось. Был бы муж, тот наверняка придумал что-либо, но он почил в бозе. Воевать был здоров, девок охаживать да dokonчальные грамоты⁵⁷ с греками писать.

Княгиня будто блиставицу узрела, вскрикнув от волнения. А ведь нашла что искала! Сенная девка услышала крик из спальни госпожи, прибежала и уставилась испуганными глазами на возбуждённое лицо княгини.

– Скажи-ка там кому-нито⁵⁸, милая, чтобы вызвали ко мне бояр Вышату да Седеслава и пусть пригласят сына моего.

Почти на час совсем отрешилась от мыслей, находясь в какой-то полудрёме. Это было нужно, силы вернулись. Нагнувшись, взяла со столика зеркало. Отражение не безобразное: морщины усталости и возраста избороздили лицо, под очами тени бессонных ночей.

Вышата первым появился в горнице, внимательно приглядываясь к повелительнице. Можно ли войти, а вдруг пока не стоит? Сзади подходили Святослав, Асмуд и Седеслав.

⁵⁷ Дokonчальная грамота – мирный договор.

⁵⁸ Кому-нито (древнерус.) – кому-нибудь.

Боярин осторожно кашлянул, возвращая княгиню к срочным делам. Святослав бесцеремонно отодвинул стеснявшихся бояр, вторгся в пределы матери и уселся напротив входа. Рядом встал Асмуд.

– Проходите, уважаемые, – пригласила Ольга, села и сама, заняв наиболее выгодное положение: она находилась в центре, удобном для обзора и слушания. Княгиня понимала, что не новость сообщает, но известие, удивления достойное.

– Хочу в Царьград отбыть по делам государственным. Так боярству и доложите. Кое-кто уже осведомлен. Седеславу даны указания по провианту и портам. Боярину Тугару – по охранной дружине и посольским делам. Весьма разумен сей слуга, в бытность не раз помогал мужу в становлении государства нашего.

– Ежели все вразумлены сообщением моим, более не задерживаю никого. Мне надобно ещё обдумать кое-что. Кстати, Седеслав, как выполняются указания?

Боярин склонился, а после уж и отвечивал:

– Всё идёт своим чередом, госпожа. Вскорости можно будет отплыть. Тугар молвил, будто дружина почти набрана.

Приглашённые, тихо переговариваясь, покинули покои княгини. Святослав так и не произнёс ни слова, не двигаясь с места. И взгляд его отрешённый был устремлён в неведомую точку. Ольга собралась куда-то уходить, но сын задержал мать словом:

– Так зачем, а вернее, по каким это делам собралась ма-

тушка моя в Ромейскую державу?

Ольга выдержала натиск взглядом недоверия. Для неё яснее ясного его подозрительность.

– Не могу я верить тебе последнее время. Раньше отец сдерживал твою двоякую натуру, а ныне несть его, некому более, мне недосуг, сама знаешь, своих дел по горло.

Святослав провёл ладонью по шее, пристально взглядевшись в лицо матери, но там была тьма египетская.

– Ведаешь, верно, о договоре, подписанном в прошлое время с ромеями, а ведь ему предшествовала долгая война, которая началась с похода 941 года. Дорогую цену заплатили наши люди за этот договор. А ныне закрепить его надобно, явившись лично, – доложила Ольга.

– Но зачем же ежегодно подтверждать каждую окончательную грамоту? Несть стойкости в слове, не следует и обязательства вершить.

– Разумно, – парировала княгиня смело. – Но не забывай и то, что подписан документ был одним правителем на Руси, а теперь его нет.

Ольга видела, как смутился её сын, поэтому продолжала:

– А посему надо мне туда, чтоб не повадно было ромеям коварным и далее зариться на наши исконные земли, чтобы не растаскивали они Русь – матушку по кусочкам да не делили её промеж хазар да печенегов. Ведь всем ведомо, что последние у них давно на посылках. И с их помощью вершатся тёмные дела. Ромеи непременно используют смену власти

в своих охальных интересах, чтобы порушить окончательную грамоту 943 года, да и забудут намеренно про даньство своё к Киеву.

– Напомнить потребно! – указующе поднял перст Свято-слав.

Он понял, что сегодня – проиграл. Пересилить доводы матери ему нынче оказалось не по силам. Всё продумано на совесть и весьма мудро, не подступишься – ни трещинки, ни задоринки. Жаль!

Ушёл и сын, и он повержен. Ольга была готова, словно девка – простушка, прыгать от обуявшей её радости. С кем бы поделиться ею? Вызвать ли срочно Григория да перед ним похвастать? Он на похвалы не щедрый и не жалючи выдаст всю правду. Что глупо, то – как малое дитя.

Однако вызывать не стала, но утром следующего дня явилась к нему сама. Сразу рассказала о своих планах и том, как сумела объяснить Святославу свой отъезд.

– Зело лепо, – иногда с лёгким восхищением вставлял монах.

Поведала о допросе сына и его поражении.

– Теперь тебе, государыня, надо самым тщательным образом подготовиться к встрече с императором. Человек он простой и неграмотный, но может воспользоваться услугами более рассудительных. Вот тебе свиток, – Григорий подал туго скрученный кусок пергамена. – Сам составил, что ещё не забыл. Здесь законы Ромейской державы, церковные ка-

ноны; всё по разделам и параграфам. Что будет не понятно, приходи, вместе обсудим.

Ольга чувствовала твёрдую мужскую силу, которая исходила от этого грека, и застенчиво улыбалась, покорно принимая наставления монаха, но не только как духовного пастыря, – скорее молодого мужчины.

– Меня-то возьмёшь с собой, может, пригожусь, да и истосковалась душа по земле Ромейской?

– Спрашиваешь, – вспыхнула княгиня, и тут же добавила, озорно сверкнув очами: – А вдруг не понадобится, сам ведь говорил, будто языком и номоканон овладела, а на достальное своего ума хватит.

Ольга засмеялась, высвечивая ещё крепкие белые зубы, её ласковая улыбка вводила грека в приятное смущение.

– Если уж здесь приходится к тебе ходить за советом, то там и подавно, как без рук.

Вокша и раньше бывал у причала, где постоянно теснились струги, лодьи да корабли не только со всей Руси, но и других земель. Из Киева торная дорога шла на север, в холодные варяжские земли, и в греки, на юг, к морям Хвалынскому и Понту Эвксинскому, как величали Чёрное море ромей. Приятно было посмотреть на словоохотливых и живых южан, которые постоянно жестикулировали, активно размахивая руками, и на спокойных флегматичных северян, более похожих на увалистых медведей, нежели на людей. Из-под него хоть кафтан тяни, он и ухом не поведёт.

– Сvei идут! – прозвучал в толпе чей-то голос.

Шли светловолосые голубоглазые гости Скандинавии, глядевшие, скорее, с интересом, нежели с завистью или недоброжелательством. Их ярко-красные лодьи, украшенные в верхней части борта золотистым орнаментом, были плотно закрыты шатровидными щитами.

Сейчас юноша не мог не посмотреть на приготовления к отплытию посольского поезда. Почти ежедневно, как выдавалась свободная минута, он приходил на обрывистый берег Славутича (Днепра). А сегодня он встретил там Пешка, который со скрытой завистью и упоением взирал на причаленные лодьи да струги и на сновавших подле них многочисленных людей.

– Любо смотреть-то? – с сочувствием спросил Вокша друга.

– Вот нам бы туда, с ними, – с затаённой дрожью в голосе произнёс Пешок и смахнул набежавшую слезу.

– А что? – с лёгкой гордостью начал Вокша. – И я бы поехал, хотя греческий знаю недостаточно хорошо.

– А вот сие похвально, – нравоучительно сорвалось у Пешка. – Не гоже, когда о малом кричат, будто оно большое. А латынский ещё не начал с Веденеем? Он ведь многое охочь с тобою объять. Торопится, будто завтра в домовину.

Веденей не раз говаривал знакомцам разным о редкой способности Вокши к познанию. Ведомо это было и Пешку, он явно ревновал старика к другу, хотя делалось это с хорошей стороны.

– Веденей мне заменил отца и мать.

– А я что? – сконфуженно смутился Пешок и понял, что хватил с завистью через край. – Пусть обучает. Если хочешь усиленно заниматься латынским и особенно греческим, тебе может помочь Григорий, я поговорю с ним.

– А кто это? Я уже где-то слышал такое имя.

– Он жил в церкви Святой Софии, а недавно перебрался в княжеские хоромы и является доверенным лицом княгини Ольги. Он год назад приехал из Византии. Зело мудрый мних, готовит меня в послушники, скоро допустит к литургии. А пока я изучаю номоканон и помогаю келарю.

Это Пешок произнёс весьма отчётливо, словно старался,

чтобы слышавший запомнил сказанное. Подросток конечно гордился таким положением, но тщательно скрывал его, старался как мог, не выглядеть хвастуном, однако оно само собой выпирало из него. Вокша это понимал, но не подавал вида, вспомнив одну встречу.

4

– Благословен, Господь!

– Благословен во веки веков. Куда направляете стопы, святые отцы? – приветно осведомился Веденей.

Один из монахов отвечал, что возвращаются из Иерусалима домой, но наполовину глухой старик не слышал.

– Вы идёте на Полночь, а Иерусалим лежит на Полдень.

– В Новгород поспешаем, дедушка! – склонился монах над ухом Веденя. – Почти год дома не были. Всего довелось увидеть.

– А в Царьграде бывали? – Веденей подставил ладонь к уху.

– Бывали и там.

Огонь костра взметнулся выше и блеснул искрами.

Вокша задремал и прослушал далее сказанное, но уловил лишь часть произнесённого.

– ...много сокровищ и богатств у ромеев...

– Не одна надежда корысти могла привлекать нашу Русь в Константинополь, но также и любопытство и стремление посмотреть на чудеса образованного мира; сколько дивных рассказов приносили к своим очагам бывальцы в Византии!

Долго ещё витали в вышине, будто нимбы над монахами, их повествования и истории. И пусть они в какой-то мере

были не столь правдивыми и, возможно, даже сказочными. Пусть они преувеличивали что-то из увиденного, а ещё больше – из услышанного. Но они были проникнуты стремлением привнести в жизнь простого человека дополнительную новость и разнообразие.

Лишь когда заря пересилила пламя костра, а рука устала подкладывать ветви в огонь и бессильно упала на колени, смолкли разговоры: спали монахи.

Надолго запомнилось Вокше это нечаянное свидание и подумалось тогда:

«Надо же, куда люди ходят. Неужели существуют такие далёкие страны? Вот бы побывать в них, глянуть хоть единым глазком на людей, что проживают там и далее в диковинных краях. Может статься, и сестрёнку встречу в державе Ромейской, если она жива ещё».

Вокша осведомился у Веденя: бывал ли он у греков? Старик сразу не ответил, он громко сопел, крепко сжав губы, и о чём-то натужно думал. Юноша снова спросил, настойчиво повторив требование:

– Ведь был же, небось, откуда тогда язык их ведаешь?

– Да был я там, был, но только пленником, рабом ихним. Там и веру греческую принял, чтобы не сдохнуть с голоду, от непосильной работы, издевательств христиан и побоев. Да вот, спасибо купцу одному, доброжелателю, выкупил он нескольких славян, среди оных и я обретался.

Глава девятая. Ромеи

1

Два знатных ромея не спеша двигались по главной улице Месе (средняя) в сторону площади Константина. Приятели, а ими они, несомненно и были, негромко беседовали на довольно пространные темы, порой даже отчаянно жестикулировали.

– Нет, уважаемый Сократ, забавы Эроса мне уже претят.

– Но ты же совсем недавно привёз с рынка несколько довольно привлекательных рабынь. А та славянка просто замечательна! А меня, клянусь Дионисом, порой неутомимый Эрос снова и снова влечёт в объятия своих весёлых подруг.

Мужчины незаметно для себя подошли к портикам, среди которых высилась большая статуя. Это была знаменитая на весь эллинский мир Афродита Урания.левой рукой богиня протягивала пышную розу – символ женской сущности, цветок Афродиты и любви. Сильное тело, облитое складками пеплоса замерло в спокойном экстазе. Одевание, необычно раскрытое по древнему азиатскому обычаю, обнажало груди, высокие, сближенные и широкие, словно винные кратеры.

– Превыше всего в жизни мы, эллины, считаем совершен-

ство человека, гармонию его развития, физического и духовного, каллогатию, как мы говорим, – окинув взглядом ста- тую, произнёс Анатолик. – Мне нравятся изображения жен- щин, но более того – они сами.

– Не в женщинах, а в божественно – безумном стремле- нии ко всему недостижимо далёкому твоё сердце. Ничего нет в мире неуловимее женской красоты, – философски за- метил Харитон.

– Морфэ тэлитерэс гоэтис! О чарующие, обворожитель- ные женские формы!

– Это в тебе бушует пламя страсти истинного автохтона⁵⁹, уважаемый Сократ. И я горжусь, считая тебя человеком вы- сокоинтеллектуальным, а себя – твоим гетайросом – настоя- щим другом, – признался Харитон Диосфор.

– Да, мои предки – выходцы из Фессалии, попали сюда в конном отряде, служили Александру Великому. Позднее один из них стал лохагосом⁶⁰ у сподвижника Птолемея⁶¹. На- ша горячая кровь успокаивалась лишь после безудержных соитий со служительницами Афродиты. Эти покорительни- цы мужчин умели, подобно беспощадной соколихе Кирке (Цирцее), ставить их на колени. Не то сейчас местные пор- нодионки⁶². Но довольно об этом.

⁵⁹ Так греки называли себя, коренных эллинов.

⁶⁰ Лохагос (греч.) – военачальник.

⁶¹ Птолемеи – македонская династия

⁶² Порнодионки (греч.) – проститутки, женщины лёгкого поведения.

– Всё было в доброй старой Элладе. Теперь же от этого блеска и полноты осталась лишь опустевшая амфора, – сокрушённо качнул головой Диосфор. – Ты был на последнем симпозионе⁶³?

– Нет! – категорично возмутился Сократ. – Я не желаю присутствовать на сборищах этой, так называемой, столичной аристократии.

– Да, я знаю. Ты имеешь ввиду потомков торгашей и ремесленников? Эти стратиоты и императорские фавориты выделились из слуг и рабов?

– Несомненно. Не стало прежней замкнутой родовой знати. Помнишь Дисиния? В молодости он зарабатывал свой хлеб тем, что ставил клистиры в больницах, – презрительно излил Анатолик.

– Но и назначать в патриархи своих шестнадцатилетних сыновей, которые увлекались конюшней и кормили своих лошадей фисташками и изюмом, в высшей степени безнравственно. Уж поверь, уважаемый. Кстати, посыльный от магистра передал его просьбу быть сегодня у логофета дрома⁶⁴. Тот назначил явиться во дворец по весьма неотложному делу.

– Моё присутствие, думаю, не столь обязательно, – брезгливо промолвил Сократ Анатолик и снова качнул головой.

⁶³ Симпозион (греч.) – собрание аристократов; византийский сенат

⁶⁴ Руководитель иностранного ведомства в Византии.

Приятели ещё некоторое время шли вместе, но вот Харитон сел в свой паланкин и двинулся в сторону Харисийских ворот. К северу от них лежал район Влахерн, где было выстроено множество храмов, и высился императорский дворец, который главенствовал над всеми строениями. Диосфор, не торопясь, поднимался по мраморным ступеням, обдумывая, зачем он мог понадобиться вершителю внешней политики страны.

– Повелитель ждёт тебя, Харитон Диосфор.

Чиновник вошёл в зал, где руководитель ведомства что-то диктовал нотарию, который старательно работал стилосом⁶⁵. Харитон некоторое время стоял в стороне и слушал. Из этого он понял, что речь шла о венгерских послах, нарушивших этикет. За совершение такого преступления их надлежало отправить в тюрьму. Логофет решил обойти закон ради какого-то тайного действия в пользу политики ромеев, девизом которых являлось древнее изречение римлян: «Divide et impera».

Византийцы весьма успешно пользовались людскими пороками и слабостями, а тогда – разделяли и властвовали.

⁶⁵ Стиль (стилос) – металлический стержень (грифель), один конец которого был острым, другой тупым и широким, чтобы удобнее стирать написанное. Для детей стилосы делали из слоновой и простой кости.

Важным фактором ромейской дипломатии служило сравнение одних соседей с другими. Императорская казна тратила огромные средства для подкупа печенегов, побуждая их грабить болгарские земли. И для подкупа венгров, которых уговаривали или принуждали нападать на печенегов. Вот и теперь, в обмен на тюрьму, венгерские послы должны были указать вождям в очередной раз сдвинуть войсками со своих мест и пастбищ печенежские орды. А те, несомненно, снова нападут на Русь, будут грабить, разрушать и увозить людей в рабство, тем самым ослабляя эту мощную державу.

Наконец писец был отпущен. Властный взгляд коснулся фигуры вошедшего, ещё несколько секунд молчания, дабы усилить впечатление от величия власти. Несколько слов произнесено – вот и приветствие.

– Хорошо, что пришёл, Харитоний, привезли известие с Руси. Посольский поезд собирается в Константинополь во главе с княгиней.

– А как же Игорь?

– Пал жертвой жадности дружины своей на земле древлян.

Ничего на это не сказал Диосфор, лишь усмехнулся.

– Когда ожидается посольство?

– Примерно накануне дня Святой Троицы. Время для приготовления ещё есть. Смотри, я не потерплю пренебрежения в деле. Используй всё необходимое. Нужные средства

получишь в казне, я распоряжусь.

Диосфор уже собрался уходить.

– Я знаю, Сократ Анатолик не счёл нужным явиться. Передай ему моё поручение тоже и скажи, что не следует ссориться с логофетом.

3

По словам старой рабыни – славянки, Малинку купили в служанки жене одного богатого и влиятельного сановника.

– Тяжело тебе будет, девонька, среди этих хриstopоклонников, не терпят они язычников, особенно с Руси.

– А как же ты, бабушка?

– Пришлось веру их принять, язык со временем узнала.

Малинка задумалась над правдивыми словами, в которых верховодила истина.

Не хотелось девушке и здесь жить, стигаясь под свистящим бичом.

– Хоть и рабыня, но одной веры с ромеем, госпожа не позволит себе и другим над такой издеваться. Законы христианские запрещают это. А священники ежели узнают о притеснении христиан, с амвона проклянут.

Долго обдумывала Малинка такое предложение. Не могла она вот так сразу предать веру своих отцов и дедов: боялась кары Перуна, гнева Дажьбога, Фреи и Лады⁶⁶.

Не однажды приходилось наблюдать за работой рабов, угнанных из разных мест. Видела она синеоких и светло-волосых скандинавов и германцев, которые ещё оставались язычниками. Безжалостно избивали надсмотрщики слабых и больных, черноволосых и смуглых южан.

⁶⁶ Древнерусские языческие божества.

Было уже холодно, грязно и слякотно. Временами небо начинало сеять мелким затяжным дождём, который мог иногда превратиться в пушистые снежные хлопья. Но они долго не задерживались на земле: она их сразу превращала в полу – ледяные капли.

Сотни две рабов с огромным трудом перетаскивали брёвна с причала и складывали неподалёку. Один раб нёс тяжесть и споткнулся. Толстый комель придавил несчастного. Глаза навывкате, из рта красная пена и кровь. Подскочивший надсмотрщик жестоко избил упавшего до последнего его издыхания. Труп бросили в море. Малинка видела сжавшиеся ненавистью кулаки немых свидетелей бесчинства.

– Неужто всех так? – подняла глаза Малинка и задала незнакомцу произвольный вопрос.

– Нет, больше всего достаётся упорствующим язычникам. Христиан редко трогают, их кормят лучше, да и отношение к ним не то.

– А ты, кто же будешь? – спросила вполголоса рослого русича.

– Из дреговичей мы, под Туровым жил, Велеса почитали.

– Из западных северян есть жители?

– Саксы и тюринги, лютичи и поморяне, пруссы да жемайты, также ильменские словене. Много разных мучеников, попали, бедолаги, по судьбинушке своей горькой.

Надсмотрщик увидел постороннюю, которая отвлекала рабов от работы, щёлкнул бичом и прогнал девчонку. Ма-

линка прибежала к старухе со слезами на глазах и рассказала об увиденном в порту.

– Сколько несчастья шагает в лохмотьях, а беда и злоба плёткой погоняют. Не в том худо, что несправедливость с горем купно ходят, а в том, что человек обратился ко злу и беду направляет на свершение дел неправедных.

– Боюсь я, бабушка, как станут и меня по спине охаживать за какую-нито малую провинность, за что христиан прощают, а язычников могут и порешить в одночасье. Ведь не стерплю позора и обиды. Либо обидчикам своим какие-либо тесноты учиню, либо на себя руки наложу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.